

Соль на

16+

МОИХ ГУБАХ

АННА ДУБИНСКАЯ

Анна Дубинская

Соль на моих губах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65367822

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-93114-5

Аннотация

Семён Графов самый популярный парень в моём институте. А я простая серая мышка, ботаничка. Он любит гонки, спорт и шумные вечеринки. А я книги, учебу, театр. Мы совершенно разные люди и живём в параллельных вселенных. Но я именно та, кто спасет его душу. А он оставит лишь соль на губах...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	62
Глава 11	73
Глава 12	77
Глава 13	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Анна Дубинская

Соль на моих губах

Глава 1

– Серебрякова, тц. Серебрякова, пс, Серебрякова, блин оглохла?

Андрей вот уже целую минуту пытается до меня достучаться, но я упорно игнорирую его. Во-первых, нечего садиться на самую галерку, а во-вторых, надоело ему помогать. Пусть сам все делает. И тот факт, что он мой сосед по лестничной площадке не даёт ему никаких привилегий. Мы даже не друзья. В институте он никогда не здоровается, стыдится меня. Но вот когда дело доходит до учебы парень как по щелчку пальцев активизируется и начинает со мной общаться. Волшебство да и только.

– Песков! Я все слышу, – Наталья Марковна преподаватель Высшей математики стучит карандашом по столу.

– Готовимся самостоятельно! Не трогай Дарью. Она в отличие от тебя все делает сама. Давайте, давайте ребята, пишем, пишем. Осталось семь минут.

– А чё я? Я ниче! – отвечает Андрей.

Группа хохочет, а я лишь покачав головой, поджимаю губы и продолжаю вычислять пределы.

– Дашка, ну Песков и кадр. Достал он тебя уже, – шепчет моя лучшая подруга Алла.

– Ничего страшного. Просто у него все мысли о футболе. Вообще не понимаю зачем родители его заставили поступать. Он хорошо играет. В перспективе мог стать отличным футболистом.

– Ой Дашка, родители всегда правы, им виднее, с ними не поспоришь.

– Угу, – тихо отвечаю подруге.

Алла понимает, что подняла болезненную тему и больше не говорит ни слова.

Лекция проходит спокойно, в конце пары Наталья Марковна проверяет наши работы и радуется моей очередной пятёркой.

– Дашка, нам в сто первую, – Алла виснет на моей руке и тянет в противоположную сторону.

– Почему? В расписании... – слабо сопротивляюсь.

– Да мало ли что в расписании. Егорова ляпнула, что пока Селёдка не выздоровеет, пары будут совмещённые с третьим курсом. Вот такие дела.

Селёдкой Алла называла нашего преподавателя по философии Анну Ивановну. Впрочем ее все так называли в университете. Потому что она была очень преклонного возраста, высокая и худая.

– С третьим курсом? – только успеваю я спросить.

– Да, да, пошли скорее. В столовку ещё забежим. Хавать

охота.

– Да я не голодна, – бегу за ней по коридору.

– Дашка, – резко останавливается Алла. – тебя итак на ветру сдувает. Я угощаю, перестань. И ещё у меня для тебя подарок.

– Какой подарок? – удивлённо улыбаюсь.

– А вот увидишь. Ладно, погнали!

В столовой Алла покупает нам по порции салата оливье, чай и два рогалика в шоколаде. Мне в который раз неудобно за то что у меня нет денег на обед. Я не могла признаться даже лучшей подруге, что коплю на зимние сапоги, так как старые разошлись по швам, а у бабушки на новые денег нет. А ещё Маришке нужна новая школьная форма, а вещи сейчас очень дорогие. И снова у бабушки пенсии не хватит все это купить. Я сэкономила всегда, как себя помню. Бабушка честно даёт мне деньги на обед, но я откладываю их на более важные покупки.

Алла, я уверена, все прекрасно понимала и видела, но мы с ней мою ситуацию с деньгами старались не поднимать лишний раз. Поэтому она по доброй душе часто меня угощала, а я помогала ей с выполнением заданий по учебе. Такой выгодный взаимобмен у нас с ней был. Нет, я не скажу, что мы с ней друг друга использовали, совсем нет. Алла была моей настоящей подругой, самой лучшей. А она в свою очередь уважала и искренне ценила меня.

– Дашка, только сразу скажу, отказа я не принимаю, вот

хоть убей!

– Ты ещё не сказала, что за подарок. Что же ты мне хочешь предложить такого, что я должна тебя убить?

– Я вчера перебрала свой гардероб. И нашла кое-что для тебя. Только не закатывай так глаза! Не переживай, меня никто в этих шмотках не видел, это ещё со школы остались. Мне уже маловаты, а вот тебе в самый раз будут. Там джинсы, брюки, кофточки и одно платье.

Алле надо сказать спасибо, потому что говорит она совсем тихо, и остальные студенты вряд ли нас слышат. Я смущаюсь до ужаса и чувствую, как щеки пылают огнем стыда.

– Так что вот. Тебе во сколько на работу сегодня?

– Мне? Мне к шести как всегда, – говорю деревянным тоном.

– Вот и Гуд! Пары до пяти, успеешь домой занести. В универ тебе притащила тяжёлый пакет, на работу с ним не сходишь, – Алла непринужденно пожимает плечами и взлохмачивает светлые прямые волосы, стараясь придать причёске объем.

А я молчу. Не знаю, что ответить. Разумеется подруга знает, как я живу и в каких условиях. Но такое предложение поступает от нее впервые за несколько лет дружбы. Скорее всего, заметила, что я давно не обновляла свой гардероб.

Да, одежды у меня немного. Джинсы так вообще одни. В них я хожу и летом и зимой, и осенью, и весной. Круглогодично.

– Ну так что? Чего молчишь, Даш?

Я смотрю на нее и мне хочется разреветься. То ли от счастья что она отдаст мне вещи, то ли от усталости жить в бедности всю жизнь.

– Спасибо, Алла. Спасибо большое. Я возьму, – просто не могу ей отказать. Ведь она принесла их специально для меня.

– Заметано. Пакет у гардеробщицы. Попросила последить. Не забудь. Померяешь дома, Обязательно! – шепчет Алла и улыбается.

– Хорошо, померяю. Спасибо большое ещё раз!

– Плевое дело. Не парься! – отмахивается она.

Глава 2

В сто первой аудитории собрались почти все студенты, когда мы переступаем порог. «Опоздали» – мелькает первая мысль. Я с волнением смотрю на лекционный стол, но там никого нет.

– Пронесло! Хорошо, что преподавателя ещё нет. Пошли скорее, – теперь уже моя очередь наступила тянуть подругу за рукав. Учиться я любила, а опаздывать не очень.

Места на первых рядах свободны, и мы спокойно усаживаемся рядом с большим окном. Достаем тетради, ручки, учебник.

Не успеваем мы обменяться фразами, как в аудиторию важным шагом входит профессор филологической кафедры. У нас он ещё не вел ни разу. Мужчина средних лет с длинными по плечо волосами и строгим взглядом. Я смотрю на Аллу, а она на меня. Мы улыбаемся.

– Здравствуйте, первый и третий курс! Меня зовут Олег Валентинович, для тех, кто меня не знает. Я буду вести совместные занятия у ваших групп, вам уже сообщили. Сегодня и последующие несколько лекций мы будем проходить и вспоминать Ницше. Первый курс проходить, третий вспоминать. Сегодня будет вводная лекция посвященная труду Фридриха Ницше...

Мы с Аллой наострили уши и внимательно слушаем. Но

нас и Олега Валентиновича неожиданно прерывают. В кабинет без стука входит ещё один студент.

– Здравствуйте! – широко улыбается парень.

Все разом обращают все свое внимание на дверь. И я, конечно, тоже.

Семён Графов собственной популярной персоной стоит в проходе и бесцеремонно жуёт жевательную резинку. Его знают все в институте, даже те, кто не хочет его знать. Он самый популярный парень. И я будучи студенткой всего три месяца уже наслышана о нем. Король веселых шумных вечеринок, покоритель женских сердец и просто богатый парень. А еще говорят, он наглый, вечно лезет на рожон, любит гонки.

Нет, вы не подумайте, я не следила за ним и не собирала на него досье. Просто, когда про него говорит каждая первая девушка в институте, информацию о его скандальной персоне невозможно игнорировать.

Я, прикрываясь копной пушистых волос, исподтишка смотрю на него. Он высокий, прическа – а-ля Эдвард Каллен, на шее есть татуировка, но не видно, какая именно. Глаза слишком серьезные и взрослые для парня такого возраста, и голос... Голос очень низкий. Как будто он только и делает, что курит целыми днями напролет. Наверное, я впервые так долго смотрю на него. Раньше если замечала его в стенах института, сильно не засматривалась. Просто потому, что он не моего поля ягода.

– Семён, проходи, хватит устраивать шоу! У нас важная

тема, а ты снова опаздываешь, – отдёргивает его преподаватель.

– Сенкью, – отвечает он по-английски и, топая тяжёлыми ботинками, заходит в кабинет.

Я невольно слежу за ним до тех пор, пока он попадает в поле моего обзора. Парень поднимается выше чем мы, и я отвожу взгляд.

– Отлично! Итак, теперь все в сборе. Можно начать лекцию. Как я уже сказал, сегодня мы будем повторять тире изучать учения Ницше. Почему я сказал повторять? Потому что сейчас кто-нибудь из тридцать второй группы кратко расскажет нам об этом человеке. Кто он? Где родился? Кем был? Основные мысли этого философа и какие книги он написал. Хотя бы название одной.

Олег Валентинович проходится по кабинету и смотрел на студентов.

– Хорошо, что мы не с третьего курса, да? А то бы сейчас пришлось попотеть. Фиг вспомнишь, что изучали два года назад, – шепчет мне на ухо Алла.

– А я вот знаю, хоть и не с третьего курса. Читала про него немного. Он очень интересный, хоть и противоречивый.

– Кто? Ницше? Ой, Дашка. Вечно ты меня удивляешь. Круто! Молодец!

– Желает кто-нибудь выступить? Прибавлю один балл за смелость, – спрашивает профессор.

Все молчат. Наступает тишина. Никто из тридцать второй

группы не хочет выступать.

– Тридцать вторая группа, обращаюсь к вам. Желает ли кто-нибудь выступить с кратким докладом по сегодняшней теме? Самойлов? Курочкина? Кубаш? Не хотите выйти? – повышает голос мужчина и берет со стола журнал.

Снова никого. Владельцы названных фамилий явно не горят желанием отвечать.

– Хорошо, пойдем по журналу. Выступит... Выступит... – затяжная пауза, сделанная специально, явно щекочет всем нервы. – Так, Миронова. Как раз закроешь тройку. Встаём отвечаем.

Справа от меня через пролет как раз и сидит та самая Миронова. Девушка медленно встаёт и растерянно смотрит на него. В нерешительности вертит ручку в руке.

– Я я... я не помню ничего. Это два года назад было! – восклицает она.

– А как вы учили? Вы присутствовали на лекциях?

– Да.

– Хорошо. Тогда отвечаем. Где он родился?

– Во Франции? – неуверенно лепечет она.

– Неправильно. Кто знает? – преподаватель бросает взгляд на нас, так как мы сидим всех ближе.

Я поднимаю руку. Просто по инерции.

– Да, – кивает мне Олег Валентинович.

– В Германии в деревне, – легко отвечаю я.

– Правильно. Следующий вопрос Миронова, – преподава-

тель вновь смотрит на девушку. – К какой эпохе философов он относился до Сократовской или после Сократовской?

– До... Сократовской, нет, после. Ммм. Нет все же до.

– Ваш ответ, Миронова?

– До Сократовская эпоха.

– Есть возражения?

Я снова тяну высоко руку. Так как чувствую себя в своей тарелке. Отвечать особенно правильно, я очень люблю.

Профессор кивает мне.

– Нет, Ницше относился к после Сократовской эпохе. Он жил после Сократа.

– Может, тогда вы знаете, как он относился к Сократу? Продолжал ли он идеи Сократа или не был его сторонником? – довольный моим ответом спрашивает Олег Валентинович.

– Честно, я знаю лишь то, что в первых трудах он был противником Сократа и не разделял его мнения. А потом, возможно, где-то и сам продолжил его идею.

– Довольно! Как ваша фамилия? – профессор резко пошел к столу и взял журнал нашей группы.

– Серебрякова! – с улыбкой отвечаю.

– Дарья, вам пять. Миронова, пока ставлю минус. Плохо очень плохо. Совершенное незнание материала. Итак, кто ещё желает выступить? Так. А пожалуй ответит нам студент Графов.

Олег Валентинович снова подходит ближе к студентам и,

скрестив руки на груди, усмехается.

Графов? Я медленно оборачиваюсь и гляжу на парня. Он поднимается с места и хищно улыбается.

– Итак, Семён, продолжаем. Назови мне его основные мысли, которые помнишь. А также особенности его учения и хотя бы одну книгу.

Я повернулась и, убрав волнистую прядь волос за ухо, стала внимательно слушать, что скажет Семён.

– Хм, мысли как у всех философов о всякой ерунде, о жизни, о смерти, об искусстве. Книга? А черт его знает. Там названия сложные, да и книгами это чтиво не назовешь. Я пробовал читать, но мысль быстро теряется. Такое ощущение, что переверни десять страниц и начни читать, а смысл не изменится, все то же самое, муть какая-то. Особенности. Была у него особенность. Он псих! Вот и все!

Все студенты начинают смеяться, а преподаватель громко хлопает в ладоши. Видимо, этот спектакль он видит не в первый раз.

– Семён, тебе в актеры надо, чего ж ты в пед пошел? Сейчас бы покорял Киностудии, а не сидел на скучной лекции!

– Сказали, рожей не вышел! – пожимает плечами парень.

Я шумно вздыхаю не удержавшись. Вот это наглость. Ну и ну. Но Олег Валентинович просто пропускает это и не делает Графову замечание.

– Дарья, что вы скажете по моим вопросам, – спрашивает у меня преподаватель.

Семён садится.

– Семён, я тебя ещё не отпускал. Постой немного. Пусть все увидят, какой ты герой. Дарья?

Я тоже решаю встать и немного повернуться ко всем остальным. Делаю глубокий вдох и начинаю говорить все, что знаю о философе.

– Основные мысли его были: воля к власти, и мысли о сверхчеловеке.

– Ха! Сверхчеловек – это человек паук, что ли? – перебивает меня Семён.

Все снова смеются, а я смотрю прямо ему в глаза. Он делает то же самое, наши взгляды встречаются. По телу пробегает точно электрический ток. Его глаза наглые, полные иронии. Он смеется надо мной. А мне вдруг становится неловко за то, что решила отвечать. Теперь получается – я его оппонент.

– Нет. Это не паук, – говорю ему тихо.

– Дарья, не обращайтесь внимания, продолжайте! – поддерживает профессор.

Я отвожу глаза в сторону, но всё ещё чувствую пристальный взор парня.

– Особенностью его учения, я думаю, было то, что все его книги написаны афоризмами, просто мысли. И как сказал Семён, их действительно трудно читать. Но если очень постараться, то можно уследить мысль автора.

– А что скажешь про то что он псих? Снова не согласишь-

ся? – бросает вызов Семён.

Я смотрю на него и краснею. Он издевается?

– Почему он был псих? – неуверенно бормочу.

– Потому что он три раза пытался совершить самоубийство, вот почему! А это значит он псих, и все его учение под большим сомнением...

– То есть, по-вашему только психи могут совершить самоубийство?

– Да! И все его учение – это...

– Это большой вклад в философию как науку! – защищаю я философа.

– Он пытался себя замочить! Думаю этого достаточно...

– А если он был в отчаянии? – неуверенно смотрю на Семёна.

– Стопарь виски и нет отчаяния. Не знала? Проверенный способ! – щелкает пальцем парень.

Все снова гогочут. А я готова провалиться сквозь землю. Щеки начинают гореть. Да что со мной такое.

– Я вижу, ты не знала про это, про то, что он был таким неуравновешенным. Я прав, Серебрякова?

– Я не, не...

– Так стоп! Брейк! Садитесь ребята! – громко прерывает меня преподаватель.

Я смотрю на Семёна. Он поджимает губы в неприязненной ухмылке. Резко отворачиваюсь и сажусь на место.

– Дашка, с ума сошла спорить с Семёном? – шипит Алла,

дёрнув меня за руку.

– Не знаю. Наверное, я не в себе, – отвечаю тихо, при этом чувствую, как затылок буквально горит от его взгляда.

– Дашка, это не Ницше камикадзе, а ты! Ну блин даёшь, дорогая!

– А чего? Меня преподаватель спросил.

– Ой, Дашка, не могу на тебя, – улыбается Алла, а я лишь пожимаю плечами.

Я правда не виновата. Я просто отвечала. Да, возможно, немного смело особенно для меня. Но, ничего уже не вернёшь. Что сделано, то сделано!

Начинается лекция. Мы открываем тетради и быстро записываем все, что говорит Олег Валентинович.

Я погружаюсь в учебный процесс и к концу пары почти забываю про Семёна.

– Не расходимся, – просит Олег Валентинович. – У меня есть несколько заданий. Итак, на следующее занятие, то бишь через неделю вы мне подготовите. Первое – Миронова Елена, с вас жду эссе по теме «Биография Фридриха Ницше».

Я смотрю на девушку. Елена морщится и недовольно захлопывает тетрадь, даже не записав тему для эссе.

– Второе, – продолжает преподаватель. – Семён и Дарья, с вас презентация. Тема – «Идея сверхчеловека. Этапы и их особенности» и никаких чтобы пауков. Свои шуточки оставьте, пожалуйста, дома.

– Что? Я? – вырывается у меня от шока.

– Да, вы!

– Допрыгалась, стрекоза, – хохочет Алла.

– В смысле, я и Серебрякова? Это как? – грубовато кричит

Графов с задних рядов.

– Обыкновенно. Ищете материал и готовите совместный проект. Ты уже на третьем курсе, подскажешь Дарье, как это надо делать. А она поделится с тобой своими знаниями.

Я поворачиваюсь и быстро нахожу его взгляд. Он смотрит на меня. Надо же! Я и Семён? Это же как Север и Юг, мы на разных полюсах. Чувствую, что просто не в силах долго смотреть на него, отворачиваюсь.

– Но! – возражает Семён, недовольный столь креативным решением профессора.

– Мы Высшее образование получаем, а не помидорами торгуем на рынке! – пресекает мужчина, выставив вперёд руку. – И третье. Муравьева и Липницкая с вас тоже презентация. Тема: «Так говорил Заратустра». По его книге. Остальные не расслабляемся. Читаем сегодняшнюю лекцию, буду спрашивать. Все могут быть свободны.

Студенты шуршат тетрадями и высказывают из аудитории. Я думаю, что по-хорошему надо бы поговорить с Семёном и обсудить план действий насчёт презентации. Но боюсь подходить к нему. Мнусь около стола, нарочно медленно убирая толстый учебник в рюкзак. А когда все же решаю взглянуть на место, где сидит Семён, обнаруживаю, что его

и след простыл. Он уже ушел.

Глава 3

– Алла, вот тебе и Человек-паук, зря я подняла руку. Впервые за всю жизнь жалею, что ответила преподавателю. Чуть со стыда не сгорела, когда он сказал, что философ псих.

Мы стоим у большого зеркала, и я пытаюсь приручить свои кудрявые волосы. Ничего не выходит, и я просто оставляю все как есть – низкий пушистый хвост.

– Да уж. К этому сверхчеловеку лучше не подходить. О точно давай будем называть его Человек-паук!

– Ха-ха-ха, – я смеюсь просто не удержавшись. – Ну зачем же так? Я его вообще никак не планирую называть. Просто Семён и все.

– Короче, м-да попала ты, сестрёнка.

– Почему? Ты что-то про него знаешь? – хмурюсь.

– Нет, не больше твоего. Один раз просто видела, как Графов спорил с кем-то. Дашка, он огонь, лучше его не злить. Он бешеный. Вот кто настоящий псих!

– Это обычная презентация по философии, я его злить не собираюсь. Да и вообще может мне самостоятельно все сделать? Ему скинуть на почту и попросить выучить материал. Все просто, – улыбаюсь, обрадованная собственной находчивости.

Тот факт, что мне придется делать совместную работу с самым известным парнем в институте меня сильно пугал. Не

хотела я с ним лишний раз встречаться, сегодняшнего общения мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Не знаю даже, смотри сама. Хочешь этому засранцу жизнь облегчить? Пусть сам все учит, – недовольно фырчит подруга.

– Я ещё подумаю, – задумчиво бормочу.

Мы подходим к гардеробу. Берём свои куртки и большой черный пакет Аллы с вещами для меня. Одеваем верхнюю одежду и выходим из института.

Конец ноября. На улице сегодня тепло и ещё светло. Студентов много. Большая компания девушек и парней гудит на крыльце. Мы с Аллой проходим мимо. Я даже не смотрю на них, потому что краем глаза замечаю кто они – дети из богатых семей, красиво дорого одетые девушки и холеные стильные молодые люди.

Я вздыхаю и ускоряю шаг.

– Дашка, ты обещала дать мне конспект за ту неделю. Помнишь? Принесла?

– Да, конечно, совсем забыла. Пойдем присядем на скамейку. У меня столько книг, что так быстро не найдешь.

– Пошли.

Мы располагаемся около главного корпуса на длинной скамейке. Я открываю большую сумку и ищу толстую испи-санную тетрадь по истории. Вдруг в боковом кармашке звонит телефон.

– Подожди, может, бабушка звонит. Нужно ответить, – я

переключаюсь на входящий и достаю свой старенький «Самсунг». Точно, вызов от нее.

– Да, бабуль.

– Даш, Даш, бабушке плохо. Она просит тебя срочно вызывать врача и приехать домой, – хнычет Маришка в трубку.

Сердце в испуге замирает.

– Что? Где вы? Дома? – я вскакиваю со скамьи.

– Даш, мы дома. Бабушка лежит с закрытыми глазами.

Приезжай скорее, мне страшно.

– Господи помилуй. Только не реви, успокойся, буду через двадцать минут, вызову врача. Откроешь им двери, если меня ещё не будет.

– Даш, я боюсь. Приходи быстрее, – детский родной голос полон страха. Я переживаю за сестру. Ей всего десять.

– Не реви! Все будет хорошо с бабушкой, – я сбрасываю вызов.

Алла смотрит на меня.

– Что случилось ещё?

– С бабушкой беда. Маришка плачет. Мне домой надо. Давай завтра передам. Не расстроишься?

– Забей на конспект, побежали скорее. Бабушка важнее какой-то учебки.

Алла резко встаёт, и мы быстро идём к главным воротам института. Но не успеваем понять, что на лавочке забыли пакет с одеждой.

– Эй, это ваше? – в спину летит недовольное женское фыр-

канье.

Мы как по команде оборачиваемся, сразу понимая что это обращение к нам.

К лавочке, где мы только что сидели, подошла большая компания мажорных студентов. Это третий курс, я узнаю многих ребят. Это с ними проходила лекция у Олега Валентиновича. Среди них Миронова, которая не смогла ответить на вопросы, и Семён.

– Ой, пакет забыли, это же надо так опростоволоситься.

– Дашка, эх ты – вареники с картошкой, – шипит Алла на ухо.

– Эй вы! Забираете это. Даже не сесть. Это наше место, не знали? Что у вас там? Книжки? – смеётся высокая брюнетка.

У нее темные волосы, заплетённые в высокий гладкий хвост. Одета она в кожаные леггинсы, свободную белую толстовку. Стоит признать она очень круто выглядит.

К ней подходят ее друзья.

– В чем дело, Ань? – спрашивает один из парней, подойдя ближе к нашему огромному пакету. Он бритоголовый и выглядит сурово.

– Да вот загородили нашу лавочку. Понаехали из деревни, – писклявым недовольным тоном говорит она и показывает ярко накрашенным пальчиком на нас.

– Этот?

Лысый наглец хватает наш пакет и дёргает за ручки. Тот на мой ужас рвется и половина вещей валится на асфальт.

Среди них – голубая блузка на серебристых пуговицах, потертые джинсы, брюки и даже теплые плотные колготки коричневого цвета. Весь мой гардероб теперь красуется на земле как бельмо на глазу. Миронова с подругами смеётся, и та брюнетка вместе с ними.

Я нервно прочищаю горло.

– Это что за шмотье? Эй, Ницше, это твое? – спрашивает брюнетка сквозь противный смех.

Ницше? Боже, как стыдно. Они мне и прозвище успели придумать. Кошмар.

– Алла, что делать? Я к ним не пойду, – шепотом говорю подруге, хватая ее за рукав куртки.

– А как же вещи? – так же шепотом отвечает.

Народ начал с любопытством заглядываться на вещи. Семён, заметив шумиху, обращает внимание на вещи, а потом и на нас с Аллой.

– Эй, Ницше, твой секонд-хенд? – Семён подходит к одежде и касается носком тяжёлого ботинка голубенькой кофточкой.

Все заливаются смехом. А я горю как звезда Бетельгейзе. Самая яркая в созвездии Ориона. Мне так жаль блузку и себя в придачу. Слезы обиды готовы вырваться из глаз. Да как он смеет?

– Твою же ты ёжики, – ахает Алла, – подонок!

– Никакой он не Человек-паук. Он не герой. Он Доктор Отто Октавиус скорее.

Меня раздражает. Ну как же так. У кого-то нет денег даже одежду купить, а они. А они...

– Мы спасём твои вещи, – уверенно говорит Алла и делает решительный шаг вперёд.

– Стой, я сама. Спасибо, – останавливаю ее и сама иду вперёд к вещам.

Делаю несколько глубоких вдохов и вот подхожу совсем близко к Семёну.

– Помочь, любительница психов? – интересуется он дерзко. Его грубый чуть хриловатый голос пронизывает насмешка.

Я молчу и даже не смотрю на него. Вот же он. Сердца у него нет. Нет души. Нет совести и добра. Что же он за человек такой...

Дрожащими руками собираю вещи в пакет. Его ботинки прямо перед моим носом. На голубой блузке остался след от его обуви. Он не человек.

Я почти на коленях перед ним и чувствую, что покрывают колкими неприятными мурашками. Мне становится холодно и начинает болеть живот. Так сильно я разволновалась. Не каждый день мне приходится ползать на коленях и собирать поношенные вещи перед «Элитой» университета.

Чувствую, как все смотрят на меня, но не решаюсь взглянуть на кого-то из богатой тусовки. Когда все сделано, быстро встаю и практически бегом возвращаюсь к подруге. Алла все это время стоит с выпученными глазами и, наверное, как

и я не верит в происходящее.

– Пошли, Алла. Все нормально. Пошли, – хватаю ее под руку, и мы уходим.

Глава 4

Домой я несусь на всех парах, крепко сжимая в руке горемычный пакет. Сердце грохочет, а все мысли занимает родной человек. Только бы все было хорошо, пожалуйста.

Когда, наконец, переступаю порог обветшалой хрущевки, встречаю врачей в белых халатах. Они уже готовы увезти бабушку в больницу. Я молниеносно скидываю куртку с ботинками, бросаю пакет в угол и прохожу в комнату, где сильно пахнет лекарством и чужими духами.

– Здравствуйте, что с ней? – спрашиваю у светловолосой крупной женщины.

– Здравствуйте, только вас ждали. Микроинсульт. Ей срочно нужно на стационар. Дома лечение невозможно. В таком возрасте это частое явление. Не волнуйтесь. Сейчас мы сделали укол, но обследование нужно пройти обязательно.

Врач разводит руками и убирает приборы в специальный переносной ящик. В комнате стоят ещё две медсестры и один мужчина.

– Да как же это не волноваться? Как? Скажите, с ней все будет в порядке?

– Ей нельзя нервничать. Спокойствие – главный залог успеха. И, конечно, должное лечение, лекарства, таблетки.

– Дарья, справишься? – тихим голосом спрашивает бабушка.

Она лежит уже на носилках. Одета в свой любимый по-бледневший от стирок хлопковый халат и шерстяные носки. Я смотрю в ее бледные глаза и начинаю плакать.

– Ну, ты что, дочь. Я чай не померла. Есть ещё порох в пороховницах, – шутит бабушка. Но я понимаю, что ей плохо и говорит это она специально, чтобы успокоить меня.

– Бабуль, я справлюсь. Ты только давай выздоравливай поскорее. Завтра я приеду к тебе, навещу, – смахиваю слезы.

– Маришка, ты где? Поехали с бабушкой. Ей нужно вещи помочь привести, – ищу сестру глазами.

Она сидит в самом углу, скрестив тоненькие ручки на груди. Грустит и тоже плачет. Я понимаю, что нужно брать все в свои руки, и совершенно нет времени раскисать. Мы справимся, все будет хорошо.

– Да, это правильное решение, – говорит врач. – Сейчас вашей бабушке будет нелегко. Помощь очень пригодится.

– Мы сейчас спустимся. Вещи соберём только.

– Хорошо, Вась, поднимаем, – командует врач, кивнув мужчине.

Он берет носилки с одной стороны, а медсестры с другой. Они покидают квартиру.

– Маришка, давай шустрее. Они долго ждать не будут. Придется ехать на автобусе.

– Угу, я сейчас.

И мы начинаем собираться. Между метаниями по шкафам я звоню на работу Яне Сергеевне и прошу взять выход-

ной в связи с происшествием. Она ворчит и говорит, что сегодня клиентов много и работы навалом, но все же разрешает не приходиться сегодня.

Бабушку уносят в карету «Скорой помощи», а вскоре и мы с Мариной спускаемся во двор. Усаживаемся в салон автомобиля и едем в больницу.

По дороге обе молчим и смотрим на бабушку. Она единственный дорогой и родной человек в этом мире для нас. И я не знаю, как мы справимся, если Бог заберёт ее у нас.

Наша с Мариной история начинается не так уж мрачно, как может показаться. Раньше мы жили как все обычные дети. У нас была мама и семья.

Своего родного папу я не знала, и если честно не уверена, что с Маришкой он один. Возможно, мы от разных отцов. Мама работала в больнице на кухне и тянула нас как могла. Мы жили в однокомнатной квартирке и приезжали к бабушке в гости. Жили дружно и счастливо. Не богато, но на жизнь всегда хватало. Мама покупала нам игрушки и водила в парк аттракционов.

Все шло хорошо, пока мама не познакомилась с очередным мужчиной. Дядя Борис как-то быстро переехал к нам. Она полюбила его, а нам с Маришкой он сразу не понравился. Наше чутье не ошиблось, и через некоторое время оказалось, что он обычный бандит. Сначала он украл все ценные вещи из дома: телевизор, мамино золото из шкатулоч-

ки, стиральную машину. А потом и вовсе обманным путем отобрал квартиру. Я не знаю всех нюансов этой сделки. В то время мы были детьми – мне двенадцать, Маришке всего четыре. Мама ничего не объяснила, просто сказала, что Борис отнял квартиру.

Хорошо помню тот день, когда мама привезла нас к бабушке и сказала, что пока мы будем жить у нее. Это был последний раз, когда я видела ее в живых. Я обняла ее и спросила, куда она уходит. Мама так нежно улыбнулась и сказала, что любит нас, и чтобы ни случилось, мы не должны сдаваться и обязаны всегда идти вперед. Мама сообщила, что едет на работу и обещала вернуться вечером. Но она так и не приехала.

Шли дни, а ее все не было. Я спрашивала бабушку о маме, но она упорно молчала, скрывая от нас чудовищную правду.

Мама погибла в несчастном случае. В больнице загорелось крыло, где она работала. Ее не успели спасти. Мама задохнулась и умерла на месте. Вот такая суровая реальность обрушилась на нас. Маришка особо ничего не поняла, долго плакала и ждала маму. А я, конечно, чуть с ума не сошла.

Газеты долго трепали этот случай и выясняли, кто прав, а кто виноват. Тогда мой мир рухнул. Я долго не могла прийти в себя. Но благодаря бабушке и подрастающей не по дням, а по часам Маришке смогла выжить, не сдалась.

Мамины слова до сих пор звенят в голове. Она любила нас. И мы не должны сдаваться ради нее. В память о ней.

В больнице мы отдаем вещи и документы. Время уже позднее, и нам не разрешают сидеть в палате. Пообещав, что завтра обязательно приедем, мы с Мариной уезжаем домой.

В автобусе сестра молчит и печально смотрит в окно. А я все думаю о бабушке. Случай с вещами отошёл на задний план, но все равно жуткая обида гложет меня. Теперь точно пусть этот индюк все делает сам. Хотела ему помочь, но теперь не стану. Во мне тоже есть капля гордости.

– Мариш, чего молчишь? Слышала, что сказали врачи? Все наладится, вот увидишь, – смотрю на нее.

– Это все из-за меня, – тихо лепечет она.

– Почему ты так говоришь? Никто не виноват в случившемся. Ты молодец, что быстро позвонила мне и вызвала помощь. Ты умничка у нас.

– Нет. Врач сказала, что бабушке нельзя нервничать. А я рассказала ей кое-что плохое про школу. Вот она и заболела.

– И что ты рассказала? Что снова произошло?

– У меня штаны порвались на физкультуре, а Сонька Мамонова назвала меня бомжихой.

– И все? – с надеждой спрашиваю у нее.

– Нет, конечно. Я оттаскала ее за косы, а меня вызвали к директору. Вот так, теперь бабушку ждёт директор школы.

– Господи...

Я шумно вздыхаю и закрываю глаза.

С Мариной часто случалось такое. Это далеко не первый

случай, когда бабушку вызывает директор. Маришка взрывная и она всегда права! Никто не может с ней спорить, даже я. Но я так ее люблю, поэтому просто отвечаю:

– Наверное, ты права, нечего всяким Мамонтам нас обзывать, да?

– То есть ты меня не ругаешь? – Марина резко поворачивается ко мне.

Я устало вздыхаю. Сегодня нет сил читать ей морали. Я выжита как лимон.

– Нет, сегодня нет. Молодец, что дала отпор. Нужно уметь за себя постоять. И вот ещё что, научишь меня приемчиком? Меня сегодня тоже обидели в университете. А я промолчала, не смогла как ты... Не смогла постоять за себя, представь?

– Кто тебя обидел? – хмурится сестра.

– Один парень и его друзья. Ладно, не будем о плохом. А в школу я сама схожу. Зоя Ефимовна меня любит. Разберусь, не дрейфь!

– Спасибо, Даш. А с бабушкой точно все будет хорошо? – смотрит на меня глазами горного Василька и так становится больно внутри.

– Обещаю, Мариш. Обещаю...

Глава 5

На следующий день я с раннего утра еду вместе с Мариной в школу. Теперь я на время ее опекун. Да и с директором надо встретиться. Надеюсь, Зоя Ефимовна сегодня в духе.

Проводив сестру до учебного класса, направляюсь прямым ходом в кабинет директора.

Зоя Ефимовна на месте. Женщина она низкая и полная. Носит квадратные очки и парик. Хоть и строгая с виду, но в душе, я знаю, она добрый человек и понимающий.

Она улыбается, заметив меня на пороге.

– Здравствуй, Дарья, проходи. Как у тебя дела? Как в институте?

В этом году я окончила школу и, конечно, она меня знала, как родную. Я участвовала во всех городских и областных олимпиадах. Очень часто приносила нашей школе первые места и золотые медали.

– Здравствуйте, Зоя Ефимовна. У меня хорошо, спасибо. Мне все нравится, особенно учиться, – улыбаюсь ей.

– Это хорошо. Хорошо. А где же бабушка?

– Бабушка приболела, вот попросила меня прийти вместо нее.

– Пусть выздоравливает и обязательно пусть подойдёт, как поправится, – серьезно говорит директор.

– Обязательно ей передам, Зоя Ефимовна.

– Дарья, да ты садись, не стой. Разговор не лёгкий. Ты, наверное, уже знаешь, что сделала Марина вчера?

Я присаживаюсь на стул напротив большого письменного стола и внимательно смотрю на нее.

– Да, знаю.

Зоя Ефимовна нервно поправляет манжет строгого пиджака и кривит с сожалением губы.

– Дарья, я все понимаю, Марине не хватает материнского тепла и отцовской строгости. Но порой это выходит за рамки. Родители Софьи хотели обращаться в органы... – пауза. – Вы знаете, кто такие Мамоновы? Ее папа работает в полиции...

Я бледнею, пульс подскакивает. Во рту пересыхает, а голова начинает медленно плыть. Молча смотрю на нее, в испуге боясь что-либо сказать. Все намного серьезнее, чем я думала.

– Так вот, Мамоновы пригрозили, если еще раз такое повторится, то они напишут на вас заявление. И скорее всего, окажутся правы. На их стороне целый батальон, а на вашей, к сожалению, только пожилая бабушка. Мне очень жаль, Дарья. Но я вынуждена попросит вас с бабушкой подумать... Просто подумать о будущем сестры и вашем собственном. Я предлагаю перевести Марину в школу коррекции. Там более строгая дисциплина, в школе не позволено распускать руки. Там работают квалифицированные психологи и учителя, в случае чего они смогут успокоить неконтролируемые

эмоции ребенка.

– В шко-шко-лу коррекции? – заикаясь, произношу.

Сейчас и я отправлюсь к бабушке, и у меня хватит сердечный приступ. Но как? Маришке всего десять лет? Что она такого сделала...

– Зря Ефимовна, прошу, умоляю. Она же ничем не болеет. Нормальная успеваемость. Она не бандитка. Она добрая, она хорошая, она не желает Софье зла. Просто так вышло! Прошу, дайте нам еще один шанс. Дайте, пожалуйста, координаты родителей Софьи, я с ними сама ещё раз поговорю.

Я даже встаю со стула от таких новостей. Просто не верю в услышанное.

– Дарья, не переживай. Я вас никуда пока, – подчеркивает слово, – не выгоняю и не исключаю из школы. Я просто предлагаю альтернативу. Школа коррекции – это не концлагерь, там учатся такие же ребята и получают образование.

– Но моей Маришке там не место!

– Сочувствую, но то, что она сделала уже перебор даже для нее. Что у вас? Что происходит в семье?

– Зоя Ефимовна, Марина сказала, что Софья ее сильно обидела, и это уже не первая их ссора. Девочки всегда выясняют отношения. Видимо, произошло что-то по-настоящему серьезное, раз дошло дело до драки. Марина просто дала сдачи. И возраст, бунтарский. Она ещё ребенок. Простите нас, пожалуйста. Я поговорю с ней ещё раз. Только не выгоняйте. Прошу...

– Ох, Дарья только из уважения к тебе. К твоим заслугам... Я вас предупредила о намерении ее родителей, так что будьте осторожны. И все же поразмышляйте над моим вопросом. В этой связи я не вижу других исходов.

– Спасибо, мы подумаем. Надеюсь, до этого не дойдет.

– Договорились, ещё один шанс. Последний, – уточняет серьезно.

– Спасибо.

Из школы выхожу совершенно подавленная. Не может быть. Как до такого дошло? У бабушки мягкий характер, такой же как у меня. Марина слишком эмоциональна и обидчива. Мы с сестрой очень похожи. Но только я все держу в себе и переживаю в одиночку. А Марина действует в режиме «Здесь и сейчас». Немудрено, что она сразу реагирует на чьи-то нелестные высказывания. Марина всегда защищает себя, она не может промолчать. И вот дожили, нам грозят школой коррекции...

Теперь нужно осторожно поговорить с ней, а ещё купить для сестры новые спортивные штаны.

Глава 6

В институте я не могу найти себе место. Думаю над тем, что сказала Зоя Ефимовна, переживаю за здоровье бабушки и ещё размышляю, как делать совместный проект с Семёном. Я люблю выполнять работу честно и сейчас ума не приложу, как все это осуществить.

На большой перемене стоим с Аллой на первом этаже и изучаем изменение в расписании на следующую неделю.

– Дашка, подойди к нему, не сы! Не съест он тебя! Вам все равно придется рано или поздно поговорить. Занятие через неделю. Так и будешь сиськи мять?

– Алла, скажешь вечно, – смеюсь. – Но да, полностью согласна. Лучше сейчас начать делать, чем потом бегать и рвать на себе волосы. Я люблю подготавливаться заранее. Только вот как к нему подойти? Он даже не смотрит в нашу сторону. Словно я невидимка!

Сегодня я видела Графова два раза. Каждый раз он стоял в окружении все той же честной в кавычках компании – лысый грубиян, который порвал пакет, капризная высокая брюнетка, Миронова и ещё несколько человек. Они всегда находились вместе. Я же хотела улучшить момент, когда он будет совсем один. Тогда, наверное, я соберу в кулак всю смелость и подойду к нему.

– М-да, прям хоть Чачу танцуй перед ним. Ладно, у ме-

ня есть план. Я попрошу Пескова позвать его. Они вроде в футбол вместе играют. Слыхала как-то раз как он про него лясы точил.

– Куда позвать? – не понимаю подругу.

– Сюда, к расписанию. Пусть подойдёт к нам. Андрейка не должен отказать, ты ему всегда помогаешь, – подмигивает Алла.

Она оборачивается и внимательно осматривает большой холл.

– О! Легок на помине. Вон он стоит, – Алла указывает на его пальцем.

Я поворачиваю голову в сторону и вижу Андрея. Точно, он стоит около окна и слушает музыку через беспроводные наушники. Покачивает кудрявой головой из стороны в сторону.

– Попросить Андрея? Нет, не стоит. Не надо ещё и его впутывать. Сама к Семёну подойду.

– Ну куда ты пойдешь, Дашк? Они же акулы, они съедят тебя. Мало тебе вчерашнего позора? Решено! Жди тут.

Алла решительно направляется к Андрею, а я наблюдаю за ней. Смелая она, мне бы хоть каплю ее бравады.

Вот Алла подходит к нему и что-то говорит. Молодой человек кивает и смотрит на меня. Я поднимаю руку в знак приветствия и улыбаюсь. Они обмениваются ещё несколькими фразами. И Алла с широкой улыбкой возвращается ко мне.

– Что он сказал? – жую нижнюю губу от волнения.

– Все улажено. Ну... почти. Песков сказал, что самолично с ним не общается, но сегодня после пар на стадионе Варшавского у них будет тренировка. Вот там ты и найдешь своего Отто Октавиуса. Компании этой пафосной с ним полюбасу не будет. Так что. Отвечаю – это лучший вариант.

– Спасибо большое, столько дел уже на сегодня намечено. Ну ничего, всё успею, – я обнимаю подругу. А в груди так тарабанит сердце. Все равно боюсь подходить к нему.

День проходит спокойно, а после всех занятий я, ощутив себя дерзкой, еду на стадион Варшавского в другой конец города. Маришку оставила одну дома, а что ещё делать? Она уже большая, пора ее к самостоятельности приучать.

Для разговора с Семёном у меня всего десять минут, потом я навещу бабушку, а после – поеду на работу. Всё рассчитано по минутам.

На стадионе шумно илюдно, но спортсмены ещё не начали играть. И это меня очень радует. Иначе мой план провалится, ведь ждать целую игру у меня просто нет времени.

Семёна нахожу в первую секунду. Он выделяется среди остальных. Форма у молодого человека, как у всех ребят – белая с красными полосами. Но кроссовки белые-белые как первый снег. Они-то его и выдают.

Я медленно прохожу на территорию. И просто смотрю на его спину. Есть такой прием. Если хочешь, чтобы человек на тебя обратил внимание, нужно очень долго смотреть на

него. Надеюсь, это поможет. Так проходит несколько секунд, пока, наконец, Семён не чувствует мой пристальный взгляд.

Он оборачивается и с шоком в глазах смотрит на меня. Теряться нет смысла, я уже пришла. Подзываю его рукой. Честно, не знаю, откуда взялась такая уверенность в себе. Но выхода у меня нет.

Он понимает, что это обращение к нему, ведь мы смотрим глаза в глаза. Но не двигается, не подходит ко мне. И тогда я решаюсь.

– Семён, подойди, пожалуйста, – громко кричу.

Несколько ребят оборачиваются. И кто-то хлопает его по плечу. Он недовольно кривит губы и все же шагает ко мне вверх.

Подходит все ближе, а у меня сердце трясётся, словно трусливый заяц. Ну ничего. Всего лишь скажу пару слов.

– Чего тебе, Секонд-хенд? – окинув меня смешливым взглядом, спрашивает.

Проглотив очередную кличку, медленно вдыхаю осенний воздух и начинаю говорить.

– Семён, привет. Нам презентацию делать надо по философии. И вот. Я распределила задания. Поделила пополам. Разработала план. Здесь на листочке написано то, что должен подготовить ты! А остальное сделаю я. Как все сделаешь, сбросишь мне на почту. Там внизу есть мой адрес. И собственно на этом все. Я сведу все в одну презентацию. Только почитать не забудь накануне лекции.

И протягиваю ему лист с планом нашей работы. Он небрежно берет план. Читает пару строк. Потом с насмешкой смотрит на меня. Комкает со злостью бумагу. А я открываю рот от очередной его выходки.. Я ведь готовилась, переписывала ровным красивым почерком, чтобы ему понятней было... Как же так?

– У тебя все? – смотрит в сторону. Не на меня.

– Да, – севшим голосом лепечу в ответ.

Не сказав ни слова, он разворачивается и шагает вниз. Листок на моих глазах бросает в урну и подходит к своим игрокам по команде, чтобы больше ни на секунду не посмотреть в мою сторону.

И все? Разговор занял всего две минуты? Быстро же я справилась, молодец. Ещё восемь минут в запасе. Только вот как выполнять задание? И как справиться с горькой обидой за себя? Не бить же его? Я добрый человек в душе и в принципе ничего плохого сделать не могу. Но сейчас мне хочется что-то крикнуть ему, что-то очень обидное. Но... Снова молчу. Проглатываю колючую как проволока обиду и запираю на дне сердца. Мне не привыкать.

Я разворачиваюсь и медленно иду назад. Вот ведь человек этот Семён... Ну да ладно, Серебряковы не сдаются. Сделаю все сама. Даже к лучшему, что он отказался. Не придется с ним больше разговаривать.

На остановке сажусь на свою маршрутку и благополучно доезжаю до больницы. Целый час сижу у бабушки. Она рас-

сказывает, что пролежит минимум две недели, а потом ее отпустят домой. У бабушки случился микроинсульт, и теперь ей необходимо беречь себя. Ещё у нее плохо работает правая кисть. Инсульт отразился на руке, и та словно отказала. Я не сообщила бабушке про полицию и школу коррекции, просто не решилась. Сначала дождусь, когда ее выпишут, а там будем думать.

После бабушки еду на работу. Тружусь я в кафе-баре «Дон Карлионе» официантом. График стабильный, два через два. Но я часто беру подработки, так как работаю всего по три, четыре часа в день. И это, соответственно, приносит не так много денег, как хотелось бы.

Смена проходит довольно спокойно без каких-то особых заговоздок. Яна Сергеевна управляет этим заведением и ещё несколькими барами хозяина. Я не знаю, какие у них отношения. Но сплетни часто приносят слухи, что Яна любовница хозяина сети ресторанов Игоря Альбертовича. Я не знаю правды, да и не хочу знать. Я простой официант, и пересуды мне ни к чему. Напротив, я старалась лишний раз не высываться и не болтать. Просто качественно и быстро выполняла работу.

В десять часов вечера, когда я собираюсь домой, Яна Сергеевна зовёт меня в кабинет. Сперва она отсчитывает мои законные честные заработанные деньги. А затем приглашает присесть за стол.

– Даш, у нас через две недели в «Аристократе» планирую-

ется вечеринка. И я хочу, чтобы ты поехала с нами на обслуживание вечера. Мне нравится, как ты работаешь. Всегда аккуратна и вежлива. Мне такие работники будут очень кстати.

«Аристократ» если просто сказать гостиница с большим рестораном и собственной территорией. В ней часто проводились вечеринки, дискотеки и даже концерты. Находился «Аристократ» за чертой города и добраться возможно только на машине, либо на рейсовом автобусе.

– С ночевкой?

– Да, разумеется. Приезжает молодая известная рок-группа и нужна будет помощь. Концерт будет до трёх ночи, но кухня и ресторан работает до утра. Проезд оплачивается. Девочки все наши едут – и Вика, и Наташа.

– Хм, мне нужно подумать. Хорошо? Если бабушку к тому времени выпишут, то я согласна. Марину одну мне не оставить на ночь.

– Даша, плачу по тройному тарифу. Так что... подумай. Я не навязываю, и пойму отказ. Но не упusti шанс.

– Хорошо, спасибо, Яна Сергеевна.

– Вот и отлично!

Из бара почти бегу до остановки. Транспорт в позднее время ходит плохо. Пропустишь и придется вызывать такси. А на такси ехать я не могу себе позволить. Успеваю и благополучно сажусь в свой автобус. Занимаю место у окна и смотрю на вечерние огоньки города. Они красиво вспыхивают, а потом тают как звёзды. Я очень люблю ночное небо. Но

полюбоваться яркими звёздами выпадает редкий шанс.

Глава 7

С утра я готовлю Маришке оладьи и открываю банку варенья. Когда все готово, зову ее завтракать. Марина приходит быстро, мои оладушки она любит.

– Садись, приятного аппетита.

– Спасибо, – Марина плюхается на маленький угловой диванчик.

Я наливаю себе чай и присоединяюсь к сестре.

Смотрю, как она уплетает воздушные лепешки и улыбаюсь. Как ей сказать? Совсем не хочется портить перед школой настроение.

– Чего ты так смотришь? – замечает она.

– У тебя варенье на носу, вот чего.

– Ммм, вкусно, Даш... Такие мягкие, пальчики оближешь. А в школе невкусно кормят. И суп не соленый и котлеты, как из бумаги. Не люблю в школе кушать.

– Мариш, надо. Надо есть, тем более кормят бесплатно. Горячим обедом. Ты итак худеющая, как спичка. Обязательно ешь, поняла?

Отпиваю из кружки горячий чай и сердито смотрю на нее.

– Сама худеющая, а я стройная. Мне кажется, Мамонова завидует мне, вот и лезет. У нее попа толстая. И вообще, она дура! А я красивая.

– Марина, ну как такое можно говорить? И, раз уж ты пер-

вая затронула эту тему. Про Софью... Постарайся ее не трогать больше, ладно? Если она обидит снова, просто скажи мне. И мы вместе придумаем, как поступить. Договорились?

– Зачем тебе говорить? Ты же не умеешь сдачи дать. Сама говорила, – обиженно надувает губы.

– Мариш, я прошу. Умоляю. Не трогай ее, ладно? Просто для нашего с бабушкой спокойствия. Хорошо? Не обращай на нее внимания. Она подозревает и успокоится. Просто ты отвечаешь, вот она и пристаёт.

– Ладно, она первая лезет вечно, а получаю всегда я. Потому что класнуха только богатых любит.

– Мне кажется, Елена Васильевна любит тех, кто хорошо учится, а не богатых.

– Нет! – стучит ладошкой по столу, – Ванька Поспелов двоешник, но всегда сдает деньги в фонд школы. Она его любит и тройки просто так ставит, хотя он даже таблицу умножения не знает.

– В третьем классе не знает таблицу умножения?

– Да, он придурок!

– Маришка, где же ты таких слов набралась? Эх, есть у меня для тебя новости хорошие. Сегодня, когда приду с учебы, съездим купим тебе новую форму и спортивные брюки.

– Что, правда? – округляет и без того большущие глаза.

– Когда я тебе врала? Правда. Только пообещай мне, что перестанешь ссориться с Софьей. Не заостряй на нее внимания.

– Не могу я так! Не могу! Ну... ради формы попробую.

– Нет, ты мне пообещай!

– Клянусь своим сердцем, —картинно прислоняет руку в груди.

– Это уже лишнее. Ну все, мне пора. Сегодня приду раньше, съездим в магазин, а потом к бабушке.

– Даш, а ты сегодня снова работаешь?

– Да, Мариш, по выходным я всегда работаю.

– К Юльке можно сходить в гости? Она звала.

– Сходи, только в восемь, чтобы дома была.

На этом мы с сестрой расстаёмся, и я бегу в университет.

Алла встречает меня у перехода, и мы вместе идём до нашего корпуса.

– Ну как вчера? Поговорила с Отто Октавиусом?

– Ой поговорила, лучше не вспоминать. Он просто смял мой план и выбросил, представь? Я была в шоке.

– М-да, и что теперь? Что будешь делать?

– А ничего. Сделаю презентацию сама и одна отвечу. Получу отметку, а он пусть как хочет, так и выкручивается. Раз не хочет участвовать. Тоже мне герой Человек-Паук.

– Ха-ха-ха, Дашка, спасибо, что подняла настроение. Так ему! Пусть знает наших!

В институте все проходит спокойно и размеренно. После занятий мы прощаемся с Аллой на остановке, и я еду домой.

Маришка уже ждёт меня. Предвкушает походы по магазинам.

– Даш, только я хочу юбку темно-серую, а не коричневую. Этот цвет некрасивый.

– Хорошо, посмотрим, – улыбаюсь.

Мы обедаем супом и пьем чай. Я беру из своего секретного кошелька все деньги и понимаю, что о зимних сапогах теперь можно смело забыть. Цены выросли, и наверняка форма стоит дорого. Вздохнув и мысленно приободрившись, иду к сестре.

Марина одета и ждёт меня в маленьком коридоре. Мнется, переживает. Конечно, для нее поход в магазин сродни настоящему празднику. Особенно поход за одеждой. Она очень любила вещи, именно одежду. Маришка – Маленький шопоголик. Но по иронии судьбы мы не могли себе позволить щеголять в обновках каждый день. Я и сама забыла, когда в последний раз что-то покупала из вещей.

– В путь?

– Ура! Мы идём за покупками! – с этим громким воплем мы покидаем дом.

Глава 8

Мы купили Марине новую форму и спортивные трико, сестра осталась очень довольна и долго-долго благодарила меня. Для полного счастья мы купили по маленькому рожку фисташкового мороженого и с удовольствием съели его на улице в сквере около дома природы.

У бабушки просидели чуть больше часа. Узнали о ее здоровье и обрадовались, что бабушке стало легче. Ей прописали кучу таблеток. Я быстро подсчитала в уме во сколько это нам обойдется. Только устало улыбнулась и прикинула, что с такими растратами мне придется скоро учебу прогуливать или вовсе перевестись на заочное обучение, чтобы я могла полноценно работать.

Вечером я поехала на работу.

Смена начинается спокойно. Заказы, редкие чаевые, веселые компании. Народ отдыхает и расслабляется. А я не понимаю в чём интерес пить пиво целый вечер напролет. Гораздо удивительнее погрузится в какую-нибудь фэнтези книгу и утопать в мире драконов и магии.

Вечер протекает спокойно, пока к семи вечера в бар не заявляется она уже очень знакомая мне компания во главе Семёна Графова. Что они здесь делают? За все время моей работы они ни разу здесь не появлялись. Или же они приходили не в мою смену?

Внутри появляется червячок, который неприятно кусает под ложечкой. Только бы все прошло хорошо. Надеюсь, что они забыли происшествие с пакетом и мой позор. Нужно набраться гордости, смелости и спокойно работать.

Но как говорится, нарочно не придумаешь. Мне выпадает обслужить как раз их столик.

– Дашка, пятый твой, и поживее давай, – бросает Вадим наш администратор.

Первая мысль – идти к Яне Сергеевне и сказать, что сегодня же, прямо сейчас увольняюсь. Вторая – сказать Вадиму, что чувствую себя плохо и отпроситься домой. Нет, это враньё...

Я вспоминаю бабушкину пенсию в восемнадцать тысяч рублей. Из которых мы пять платим за коммуналку и почти пять на лекарства, а сейчас будем ещё больше. Остаются гроши, на которые троим взрослым людям невозможно прожить.

Я вздыхаю, поправляю хвост на голове и иду в логово врага, то есть к пятому столику.

Пока переставляю ватными ногами по полу, изучаю мажоров. Итак, кто к нам пожаловал. Семён одет в черную рубашку поло, и я, как некстати, замечаю широкий разворот плеч и мужественные загорелые руки. На них тоже есть татуировки. Брюнетка как я уже знаю, зовут Аня, одета стильно и богато. Бежевое свободное платье под кожу ей очень идёт. Волосы снова заплетены в высокий хвост. Она общается с

Семёном но, по-моему, они не пара, скорее просто друзья.

Ещё с ними за столом тот лысый, Миронова, незнакомая мне девушка и два молодых человека.

Шаг, два, три. Столик пятый, будь ты проклят.

– Добрый вечер, вы готовы сделать заказ? – натренированным месяцами дружелюбным тоном произношу я и смотрю в глаза самому безобидному по моему мнению. Одному из двух незнакомых парней. Он сидит рядом с Мироновой и обнимает ее за плечи.

– Нет, мы ещё подумаем, – отвечает Семён и совсем не обращает на меня внимания. Скорее всего, он даже не понимает, что это я стою прямо у него перед носом. Он всегда такой чёрствый? Со всеми?

– Принесите мне кофе и шоколадный чизкейк, мороженое и кальян, – говорит повелительным тоном Аня.

Она ехидно улыбается и недовольно цокает языком. Что-то шепчет своей подруге на ухо.

– Девушка, а мне можно стакан свежавыжатого грейпфрутового сока и пирожное Шармель. И кофе капучино.

– Хорошо, это все?

– Пока да! – бросает небрежно Аня.

Я разворачиваюсь и иду к бару, как вдруг слышу громкий хохот. В основном женские голоса. Уверена на миллион процентов смеются они надо мной. Как же мне отработать смену? Как?

Не успеваю передать заказ на кухню, как с их столика

вновь поступает звонок. Натягиваю дежурную улыбку и снова направляюсь к ним.

– Вы готовы сделать заказ?

– Да, принесите три кружки пива светлого местного, шашлыка четыре порции, соуса, и что-нибудь ещё, – это говорит Семён и все время он смотри на меня

Он криво улыбается. В его глазах читаю насмешку. Не пойму, что я ему сделала?

– Что-нибудь ещё, это что? – уточняю.

– Принеси гренки с чесноком и картошку фри, – вмешивается ещё один парень.

– Хорошо. Что-то ещё.

– Пока все, можешь идти, – властным тоном короля отвечает Семён.

– Сейчас принесу.

Иду к бару и отдаю заказ.

– Даш, третий стол. Они уже ждут.

– Беру! – отзываюсь, шумно вздохнув.

Только подходу к третьему столику, как с пятого стола снова поступает вызов.

Они что испытывают мои ноги на прочность?

Быстро беру заказ у влюбленной пары. И снова подхожу к злополучному пятому столику. Скоро цифра пять станет моей нелюбимой.

– Девушка-а, а мне значит, э, глясе, салат морской только без лимона. И все. Да все. И... Нет, пока все.

– Может быть что-то ещё, – спрашиваю сквозь стиснутые в дурацкой улыбке зубы.

– Это все.

– Пока, – добавляет Семён и все дико начинают гоготать. Я ухожу. Чтобы снова через минуту подорваться к ним. Нет, это невыносимо. Вечер будет определенно незабываемый.

Сегодня самая трудная смена на моей памяти. Так долго я ещё не бегала. Ноги гудят, а голова слегка кружится от усталости. Пятый столик загонял меня по полной программе. Я подходила к ним каждые три минуты. Они отмечали чей-то день рождения и решили сделать меня своей игрушкой.

«А почему пицца холодная»

«Принесите ещё кофе, нет сок, нет кофе»

«Можно включить кондиционер, жарко»

«Посоветуйте хорошее вино»

«Можно выключить кондиционер, а то холодно»

Боже, они меня замучили. Таких капризных клиентов я ещё не встречала. Даже Вадим разозлился и причитал весь вечер, мечтая о том, когда же они уйдут.

Они ушли, и счастьем моим не было предела.

– Фух, наконец-то, – выдыхаю, бросив папку меню на стол.

– Да уж, и чего это они? Как специально гоняли тебя. Но бабла потратили много. Хоть не зря бегала.

Я уверена, что специально, поэтому согласно киваю мо-

лодому человеку.

– Вадим, я беру выходные, теперь увидимся только на следующей неделе, устала как собака.

– Вау, что я слышу?

– Что?

– Ты ругнулась, – усмехается он.

– Они меня довели, честно. Я устала...

– Ладушки, давай дуй домой. Напиши, Яне Сергеевне, когда выйдешь. Возьми деньги, ее сегодня не будет.

– Спасибо, до встречи.

Вадим отсчитывает мою зарплату, и я, едва переставляя ногами, бреду переодеваться в подсобку.

Глава 9

Серая дымка от сигареты непривычно щипает глаза. Целый месяц держался и вот опять. Сорвался. Да к хренам все это. Смысл – то что я бросил? Кому доказывать, что я идеален? Отчиму? Самому себе? А зачем?

Я затягиваюсь покрепче и кашляю. Сплюываю горечь в траву и выкидываю бычок в урну. Открываю уверенно металлическую дверь и захожу во двор.

Внедорожник отчима стоит под навесом. Он дома. Не хочу его встречать, но выбора нет. Мне нужно забрать личные вещи.

Открываю своим ключом входную дверь и прохожу в котедж. Пахнет жареным мясом и свежими овощами. На кухне бренчит посуда, а как только я захлопываю дверь, звук затихает.

Пока снимаю кроссовки, осматриваю дом. Я не был здесь больше месяца. И ничего не изменилось. Семейные фотографии, книги, картины. Красивые дорогие вещи, привезенные с разных уголков света, расставлены по углам, а толку от них никакого. Только пыль протирать. Теперь вся эта бу-тафория никому не нужна.

Отчим показывается в арке, соединяющей кухню и прихожую. В фартуке и домашних больших тапках. Не изменился. По-прежнему сам моет посуду и готовит еду. Деньги позво-

ляют нанять домработницу, а он все делает по старинке.

– Семён? – удивляется дядя Леша.

– Я.

– Чего это ты вдруг объявился? Бабки закончились?

– Нет, взять кое-что, – я беспардонно прохожу в дом и иду к лестнице на второй этаж. Больше не желая с ним говорить. Настроения нет. Да и общих тем за три года как-то у нас не нашлось, поэтому тратить время на пустую болтовню не вижу резона.

– И ты даже не спросишь, как у нас дела? Как дела у мамы? Вот так просто зашёл и все? Молча? – жмёт на «больное» он.

Я застываю. Замираю на полушаге. Нет, о маме я особенно не хочу ничего знать. Просто не могу. Пробовал, но не получается. И все члены семьи это знают. Один он, как твердолобый хочет добиться участия с моей стороны. Но ее не будет, как не старайся. Хоть свяжи, хоть пристрели, задуши, я не поеду к ней и не позвоню! Мне так легче! Семье так легче! Ей так легче. Без меня.

– Я знаю, как у нее. Аня все докладывает, – вру. Аня ни слова не говорит о маме. По моей просьбе.

– При чем здесь Аня? Ты ее сын! Она спрашивает о тебе, – отчим делает небольшой шаг ко мне. Его тапки жутко раздражают. Напоминают об уюте.

– Мне некогда, дядь Леш. Ехать пора.

– Снова сбегаешь? Уходишь от разговора. А она, может быть, ждёт тебя... – горько произносит.

– Да не ждёт она! – выталкиваю вдруг ненужный воздух из груди. – Не ждёт! Она, в отличие от всех вас, знает, какой я. Мне не нужна вся эта херня, ясно! Она-то как раз все понимает. Уверен, она ни разу обо мне не спрашивала. И не звала. Так что эта тема закрыта, раз и навсегда.

– Вообще-то, спрашивала. Каждый день спрашивает. И ждёт... Ей недолго осталось. Каждый день как последний. Неужели не хочешь попрощаться с собственной матерью? – голос отчима звучит твёрже и грубее.

А у меня кулаки чешутся. Хочется дать ему по роже.

– Свидимся на том свете. Все мы сдохнем когда-то. У меня дела, – кидаю ему и ухожу на второй этаж.

Я ни разу не посмотрел ему в глаза. Душу берегу. Не хочу видеть пелену слез. Достало! Неужели не понимает, что я сойду с ума. Итак почти сошел. Я уже смирился, что она умерла... хотя она ещё живая. Да, вы скажете, что я псих! Не отрицаю! Но по-другому не умею. Не могу. Я слишком сильно люблю свою маму. Настолько сильно, что не могу видеть ее в таком состоянии. И она это знает. Не ждёт! Отчим врет! Лезет в нашу семью со своим дебильным уставом и считает, что сделает всем нам лучше. Тошнит от его добродетели, весь из себя хороший. Полная противоположность мне. Пора ему это выучить. Одно у нас все-таки общее есть – упорство и умение стоять на своем. И если наши мнения расходятся, мы никогда не найдем компромисс.

Толкаю плечом дверь и шагаю в свою комнату. Вещей

осталось немного, почти все перевез на квартиру. Ищу в ящике старенький Айфон, так как вчера разбил свой новый. Денег лишних нет, придется ходить пока с ним. В чем-то отчим прав, но я никогда не попрошу у него денег. Давно привык зарабатывать сам.

С остервенением тормошу содержимое ящика. Какие-то тетради, бумаги, старые документы, на самом дне вдруг отыскивается фотография. На ней я, Аня и мама... Фотография с моего школьного выпускного. Фотка обычная, но именно ее я захотел распечатать и хранить у себя.

Аня в красивом дорогом платье со сложной прической. Мама в деловом белом костюме с распущенными волосами. Ее улыбка такая яркая, что затмевает блёстки на Анькиных серьгах. Глаза у мамы голубые-голубые, и они смеются, они греют теплом, они дарят чувство защищённости и любви.

В тот день мы были счастливы. Абсолютно счастливы. Я даже согласился прийти пораньше с гулянки и поужинать в кругу семьи. Я ни разу не поспорил с отчимом в тот летний день. Но!

Ни и я, ни мама, ни Анька, ни все остальные родные не знали, что нас поджидает совсем скоро...

Мама воспитывала меня одна. Сколько себя помню, у нее никогда не было ухажоров. Единственным мужчиной в ее жизни был я, трудный ребенок с пелёнок. Мама едва справлялась с моим буйным нравом. Но никогда не ругала меня,

всегда говорила ласково и объясняла, что так, как я поступать нельзя, чревато проблемами. А я не слушал ее, то и дело дрался во дворах и приносил домой синяки и рваные рубашки. С возрастом я понял, что можно ловить кайф не только в драке, но и в тусовках, спорте, гонках, и, конечно, в компании клевой девчонки. Когда я перешёл в старшую школу, мама наконец выдохнула и начала жить для себя. Она познакомилась с Алексеем Бородиным. Он был владельцем собственного крупного бизнеса и растил дочь Аню. Дядя Леша как-то сразу влился в нашу семью. Они полюбили друг друга и вскоре сыграли свадьбу. Через несколько недель после свадьбы мы окончательно переехали к нему в дом. И стали жить совсем как нормальная семья. У меня появилась сводная сестра и вроде как отец. Но отцом называть его все равно не получалось. Называл по-братски – дядя Леша.

Год назад маме поставили страшный диагноз – рак. И наша жизнь остановилась.

Что можно чувствовать, когда тебе говорят, что твой самый любимый человек умирает? Боль? Отчаянье? Пустоту? Ошибаетесь... Я умер. Честно, я выл ночами в подушку, как пятилетний ребенок, я рвал на себе волосы, я прогуливал университет, я курил, пил, кутил с девчонками. Старался унять дрожь во всем теле, но она только усиливалась. Неизлечимая болезнь матери выжигала кислотой и мои внутренности. Словно не она, а я заболел. Я сходил с ума...

С каждой прожитой минутой на этом чертовом свете я

становился злее, грубее, жёстче. Я плакал, кричал, орал, как бешеный на отчима, срывался на всех вокруг. Ничего не помогало, ничего. Маме становилось хуже и хуже. Я не мог смотреть на нее такую, не мог представить, что ее такую сложную, многогранную, добрую, заботливую я скоро не увижу. Не мог принять факт, не в силах был осознать... Слишком сильно любил.

Однажды вечером я сильно подрался. Я просто набил морду каким-то ублюдкам в подворотне. Пришел домой ночью. Все спали кроме мамы. У нее снова был сильный приступ боли. Кстати, боль эту ничем не унять. Никакие лекарства не помогают. Она случайно увидела меня в таком ужасном состоянии с разбитым лицом и в грязной рваной одежде и заплакала.

– Сын, на кого ты похож, снова за свое? Ну я же просила, просила тебя... – прошептала, глядя бесцветными глазами на меня.

– Какие-то твари пристали к девушкам. Я научил их, как нужно общаться с противоположным полом. Только и всего, – ответил, прислоняя грелку со льдом к опухшему глазу.

– Сын, почему ты всегда находишься в эпицентре всех уличных драк? Ты же понимаешь, что возможно я скоро... Я всю жизнь терплю тебя! Дай хоть последние дни прожить в спокойствии. Неужели так трудно? – она с болезненным укором смотрела на меня. А я почувствовал себя самым ничтожным сыном. Ведь она впервые призналась, что, оказыва-

ется, всю жизнь «терпела» меня...

В общем, слово за слово мы сильно поссорились, чего не происходило уже очень долго. Мама сказала, что ей плохо, и я ее мучаю. А я хлопнул дверью и ушел. Чтобы больше не мучить своим присутствием.

Я переехал к нам на квартиру и жил один. Маме становилось все хуже и хуже. Но я не мог ее навестить или позвонить. Ведь где-то в глубине души во мне росло колючее паршивое чувство вины. Да, я винил себя в ее болезни. Может быть, она так устала со мной за всю жизнь, что заболела?

Вскоре маму положили в больницу, а я мысленно смирился... Такая одинокая пустота поселилась в сердце, что я перестал вообще что-либо чувствовать. Я смирился, что она умерла. Что ее не стало. После ссоры я больше не видел маму. Мне так легче жилось. И ей так легче, ведь для нее я сплошное разочарование.

Глава 10

Я беру ещё кое-какие вещи и уезжаю из дома. Сегодня в карьере гонка. И я как участник обязан там быть. Гонки ещё одна «пилюля» спасающая от демонов, которые сжирают меня изнутри, опустошая душу.

– Бонжорно! – здороваюсь с Лукой.

– Хай, ты сегодня в заезде? – с сигаретой в зубах бубнит друг.

Жмём руки. Я окидываю скучающим взглядом трассу.

– Ес, подлатал болид, сделал расточку блока цилиндров и гильзовку. Посмотрим, как полетит «Батискаф». Дай отравиться!

Друг протягивает мне пачку, и я «угощаюсь» одной сигаретой.

– Ух ты, зашибись. С тебя тест-драйв. А вот я сегодня просто зритель. Снялся с заезда.

– А чё так?

– Походу диски тормозные сточились. Надо гнать в сервис.

– Так я тебе ещё в прошлый раз об этом говорил. Едь к нам. Гена быстро все заменит.

К нам подходят знакомые ребята и мы начинаем болтать. А я между делом посматриваю на трассу. Перед заездом всегда это делаю. На дороге кое-где на поворотах есть невысох-

шие лужи. Надо иметь это в виду. А около большого поворота смещены шины, тем самым делая дорогу в этом месте ещё уже. Как будто кто-то нарочно усложнил траекторию.

Перекаत्याваю сигарету в зубах и прищуриваю взгляд. Есть как будто что-то ещё, чего я не вижу, но чувствую. Какой-то подвох.

– Лук, кто траекторию проверял? – спрашиваю.

– Адашевы. А чё не так? Камешек заметил лишний?

– Трасса галимая сегодня. А сами-то они едут?

Братья Адашевы Артур и Ратмир фавориты и мои прямые соперники. Как гонщики они хороши, но как люди – наглые и борзые как все чурки. И это не мое субъективное мнение – все так считают. Между нами травят байки про их преступные делишки. Но мне все равно. Мне плевать на них. Сюда я приезжаю снять стресс, а не яйцами мериться.

Лука недовольно ругается матом и проверяет списки.

– Нет, Артур без тачки, Ратмир сказал маленький куш!

– Не сомневался даже. Ну-ну. Куш...

– На что ты намекаешь? – спрашивает Юрка Тарасов, ещё один мой панибрат.

– А то, что трассу кто-то нарочно изгадил. Откуда вода взялась? Дождей не было. И еще косяки есть. Херня, а не дорога сегодня.

– Ты не поедешь? Вычёркивать? – Лук вертит шариковую ручку в руках.

– Нет, я все учел. Просто вас предупреждаю.

– Вроде дорога как дорога.

– Прокачусь – узнаю.

Начинается заезд. Сегодня всего двадцать три участника. Четверо снялись: Адашевы, Лука и Мамонов – он же оборотень, потому что сын мента. Саня Мамонов шестерка Адашевых, и он готов задницу порвать лишь бы им угодить. Почему-то он тоже отказывается от участия. Случайность, или он хочет подражать своим друзьям?

На стартовой прямой выстроились в ряды участники. Я стою первый, и готов жать на газ в любую секунду. В воздух взлетает «леденец», свист. Погнали. Сначала еду в своей манере не очень быстро. Обычно заезд проходит в три круга. И на первом я не сильно выкльдываюсь.

Раньше здесь добывали полезные породы, а сейчас устраивают гонки. А что, мы никому не мешаем. Огромная скважина позволяет хорошо разогнаться и вдоволь посоревноваться.

Я не знаю, кто стал первооткрывателем этих уличных гонок. Но сейчас заведует всем мой кореш Лука и его старший брат Миха. Они собирают списки и деньги с участников. Участником гонок мог стать абсолютно любой, у кого есть тачка. Правда вступительный взнос в последнее время все выше. Так как желающих много. Правила просты – побеждают первые три места и делят бабло соответственно. Большое всех достается тому, кто первым пересёк финишную линию.

Я лечу вперёд, на автомате смотрю в боковые зеркала.

Черный старенький форд «дышит» мне в спину и вот-вот норовит выскочить вперёд. За рулём явно отчаянный парень, раз вздумал тягаться с моей спортивной «БМВ». Ещё рано топить в пол, впереди крутой поворот, и я сбавляю газ. Форд вырывается вперёд, но на повороте его сильно заносит, и я снова обгоняю его.

Только немного расслабляюсь. Но тут же слева показывается нос «Мазды». Водителя я знаю. Он часто занимает призовые места. Уверенно гоню вперёд, мечтая оказаться первым. Адреналин жалящими укусами бьёт по венам. В мозгу только одна хотелка – победить. Сегодня мне это чертовски нужно. Почувствовать, что я хоть что-то могу контролировать в своей жизни. Хотя бы собственную победу.

И снова дорога резко сворачивает. Где-то здесь вода. Ну и хрен с ней. Ударяю с силой по педали газа и резким рывком захожу в поворот. Колеса срываются, машина скользит. Твою мать, что за хренотень... Автомобиль заносит влево. Кручу рулём, стараясь выровнять тачку, но все без толку. Еду напрямиком в бордюр, не успев затормозить. Врезаюсь в башню из старых колес и наконец останавливаюсь. Приехали... Даже один круг не завершил.

Сердце стучит бешено. Если бы не башня, черт знает, куда бы я улетел.

Вдыхаю пыль и запах резины. Жду, пока все проедут мимо меня, и только потом выхожу на улицу. Иду к тому месту, где колеса не сцепились с песком. Присаживаюсь на корточ-

ки, пальцами трогаю воду.

– Это масло... Это ни хрена не вода.

Сильный запах бензина только подтверждает мои догадки. И его достаточно много. Кто-то нарочно его разлил. На самом сложном повороте.

Я возвращаюсь в свою тачку и дожидаясь завершения гонки. Кто мог это сделать? И по какой черт? Сразу думается, что это кто-то из Адашевых. И почему-то кажется, что хотели слить именно меня. Ведь я сотню раз выхватывал победу у них прямо из под носа. Давно не выигрывали? Или в чем причина? А если это не они? Сейчас узнаю. Не уеду, пока не добьюсь правды. Этот придурак должен быть наказан.

Финальный круг заканчивается. В победители вырывается парень на «Мазде». Уступив ему всего несколько секунд, приезжает Тарасов. Следом завершают гонку все остальные. Автомобили паркуются. Участники выходят на улицу. Я завожу мотор и еду к ним, пока все не разъехались.

Сбросив скорость, встаю рядом с «Шкодой» Луки и вылезаю из салона.

– Что это было, Сём? – спрашивает он.

– Что это было? Ты спрашиваешь, что это было? Эй, все сюда! – громко ору.

– Сём, да объясни, тебя бортанули или что? Я не вкурил.

– Масло! На трассе не вода – это чертово масло. Вот что случилось. И это не из под капота – свежее. Какой-то умник

вылил на землю целую канистру. И даю сто сот, что это не случайность.

– Масло! Ух ты е! Что будем делать?

– Не знаю как ты, а я найду умника. Я чуть не перевернулся, тьфу. Дай отравы!

Смотрю на мужиков, все начинают подтягиваться к нам, с недоумением смотря на карьер, где только что ездили. Лук бросает пачку мне. Я ловлю ее и достаю одну сигарету.

– Задница. Я помогу. Это не дело, у нас в карьере так дела не ведутся. Эй народ, не расходимся! Сегодня на гонке мой друг Семён съехал с дороги. Наверное, все видели.

– Съехал с дороги?! Да я твою мать чуть не разбился. Если бы не защита! – вспыхливо кричу.

– Успокойся, слышишь. Мы выясним, кто это сделал.

Народ начал лениво собираться вокруг нас. Кто-то курил, кто-то нервничал. Тарасов чесал затылок, не понимая в чем кипиш. Адашевы с недовольными минами пялились на меня.

– Так, пацаны, мы все знаем правила и приезжаем сюда за кайфом и расслабоном. Но кто-то сегодня решил всех обыграть, подосрать всю игру, – начинает говорить Лука.

– В чем дело?

– Да, что произошло?

– На дороге на опасном повороте тридцать литров масла. Что скажете? А? Кто это сделал, пацаны? Вы видели болид Сёмы? Видели? Он улетел. Это не хрена не шутка. Кроме

нас здесь никто не тусит. Это сделано умышленно, пацаны. И пока я не выясню игра не закончится.

– Лук, пускай все откроют свои тачки, и мы проверим, – снова вмешиваюсь.

– Что? Я не стану свою тачку открывать. Я этого не делал! Идите на хрен со своими правилами. Отдайте мне мою капусту и делайте, что хотите, но без меня, – рычит водитель «Мазды».

– Колян, не бушуй, на месте Семёна мог оказаться ты. Здесь каждый заинтересован найти того, кто это сделал. Как считаешь?

Коля молчит, только хмуро пожимает щуплыми плечами.

– Пока мы не проверим все тачки, выигрыш никто не получит. И новых заездов не будет, – ставлю ультиматум.

Лук бросает на меня взгляд. Мол, чего это я тут раскомандовался.

– Начинается, – бурчит недовольно кто-то из парней.

– И что вы там хотите найти?

– Ну как минимум пустую канистру.

– Да пошли вы, мне все равно нечего скрывать, – победитель заезда открывает багажник первым.

Мы с Луком подходим к «Мазде» и заглядываем в отсек. Улик нет – запаска и какое-то личное барахло. Пустой бутылки нет.

– Чисто! Кто следующий? – спрашивает вполне серьезно Лук.

– Вы чё, парни, цирк устраиваете? – Ратмир Адашев старший из братьев подходит ко мне и зыркает то на меня, то на Лука.

– Ты что-то имеешь против? – делаю шаг навстречу. По венам уже журчит знакомый адреналин.

– Ратмир, сейчас проверим, и все разъедутся, – гораздо вежливее, чем я произносит Лук, отряхивая руки от пыли.

– Или тебе есть что скрывать? Может это ты нахеровертил? – злобно бросаю Адашеву.

– Что? Да я сейчас тебе, – Ратмир совершает рывок, а я уже выставляю вперёд крепкие кулаки, готовясь отразить удар.

– Эй, парни, парни брейк. Совсем рехнулись? – Лук подлетает к нам и успевает предотвратить драку.

Встаёт стеной между нами.

– Сём, остынь, хорошо! Блин! Давайте без кулаков? Или идите за карьер там и решайте свои проблемы.

– Я спокоен, – отхожу в сторону, пнув камень на дороге.

– Тьфу ты. Лады. Проверяйте, только по бырому.

Ратмир чешет бороду и отворачивается. Идет к своей новенькой иномарке. Открывает багажный отдел и заодно распахивает все двери.

– Смотрите, у меня нет ничего. Сыщики, – усмехается Адашев.

Мы проверяем его машину. А потом и все остальные автомобили. Нигде нет каких бы то ни было улик – ни подтёков

масла, ни бутылок ни самой канистры. Все пусто. Выходит, это не он. Ну или вовремя ото всего избавился.

Последняя тачка осталась Оборотня – Сашки Мамонова. Он жметя в стороне и не спешит открывать багажник на проверку.

– Остался ты! Чё тупим? – спрашиваю, подходя ближе.

– А я уже открывал.

– За идиота меня держишь? Эй, мужики, Оборотень открывал тачку? – поворачиваюсь к ребятам.

– Нет, – отвечает Тарасов.

– Я не помню, кажется, нет, – соглашается Колян.

– Нет, тебя точно не было. Давай уже, пошевеливайся, – поторапливает Лука, оказавшись рядом.

Адашевы не спеша подходят к своему другу и просят открыть автомобиль. Саня мнетя. Я и сразу понимаю – кто здесь гнида. Это он! Оборотень разлил масло. Упырь.

Мамонов плакает ключом а затем открывает заднюю дверь своей машины. Я вижу две пустые канистры из под масла. Чувствую тот же самый запах.

– Ах ты мразь! Гнида паршивая! – бросаюсь к нему, но на пути вырастает Лук.

– Сём, Графов! Мать твою! К черту это, окей. Ты же не станешь из-за этого придурка руки марать? – Зотов крепко держит за плечи, не давая врезать в морду шестёрке.

– Из-за этого придурка! Это стёб, черт возьми? Я сейчас тебе втащу, понял! Кого ты хотел слить? Кого, отвечай! – ору

Мамонову через плечо Лука.

Начинается настоящая потасовка. Ребята галдят. Кто-то шустрый толкает Оборотня в грудь.

– Вай, ты чего моего кореша трогаешь, а? Руки убери. И чего тебе не живётся, вечно ты лезешь! – вступается Артур Адашев.

– Я этого не делал. Это мои канистры, ясно. Мои личные, – кричит Оборотень в свое оправдание.

Я вырываюсь из крепкого захвата и уверенной левой бью Мамонова прямо в челюсть.

– Эй, эй.

– Твою мать!

– Ты урод! Совсем без мозгов! – кричит Мамонов, лежа уже на земле.

– Ты сейчас ещё нарвешься! – кричу в ответ.

Начинаются вопли и крики. Визги девчонок и потасовка. Мамонов пытается меня ударить, но у него не выходит, хоть он и качок. Качок, а удар держать не умеет. Его девчонка начинает истерить и обзывать меня всеми матами перематами.

Короче, нас разнимают. Мне больше не выпадает шанса ударить по наглой мусорской роже.

Мамонов полностью отрицает свою причастность к случаю с маслом. Но на общем голосовании многие соглашались со мной. Лук принимает решение выгнать Мамонова из нашего круга гонщиков и сообщает ему, что больше он не возьмёт его в участники. Я же считаю, что этот гондон отде-

лался лёгким испугом. Ну хоть теперь не видеть его рожу в карьере.

Мы разъезжаемся по домам. В квартире меня встречает пустота и непривычная тишина. С усталостью смотрю на пакет с тетрадями. Я забросил их на стол и даже не открывал лекции. Вспомнил вдруг про презентацию по философии. Черт. А хрен с ней. Завтра попрошу у той мышки скинуть мне на почту. Всего-то делов. Мне никогда не отказывают. Я привык получать все что хочу. Тем более девчонки меня любят.

С этими мыслями решаю больше не заморачиваться на предмет университета и ложусь спать.

Глава 11

Неделя проходит хорошо. Семёна я вижу крайне редко и спасибо ему, он совсем не обращает на меня внимания. В баре его компания больше не появляется. И к четвергу я окончательно расслабляюсь.

Спешу в нашу аудиторию, когда вдруг на моем пути встречается он. Графов выпрыгивает из ниоткуда, как черт из табакерки. Волосы взлохмачены. Какая-то рваная футболка. Вид совсем неподобающий для студента. Против воли замечаю я.

– Ой, ты меня напугал.

Прохожу мимо него, но он снова преграждает мне путь. Я понимаю, что ему что-то от меня нужно.

– Слушай, Ницше? Как там наша преза? Завтра философия.

– Помню в прошлый раз у меня, было другое прозвище, – мямлю в ответ, боясь заглянуть в его глаза.

– Я не знаю, как тебя зовут. Забыл, – с пренебрежением поясняет.

– Это не важно. Презентацию я сделала.

– Запиши мою почту. Сегодня жду от тебя письмо.

Смотрю на него. И ведь у него ни один мускул на лице не дрогнул от такой наглости. Вот же ж...

– Прости, но нет. Я не скину тебе ничего, – совсем тихо,

почти беззвучно пищу в ответ.

Краснею, жар стыда бросает меня в чан с кипящей лавой. Господи, как страшно рядом с ним.

– В смысле?

– Семён, я спешу. Ты все прекрасно понял. И... я же подходила к тебе, хотела все сделать вместе. Но ты скомкал мой план работы. А сейчас я, я... – смотрю прямо в глаза.

Они тепло-карие, с золотистыми вкраплениями около зрачка. Красивые глаза – в тайне признаюсь. Отвожу взгляд ниже и замечаю веснушки. Они как песчаные капельки рассыпались по лицу.

– Ты, ты... Что? Говори, не понимаю, – хамовато обрывает он.

– Не дам! – бросаю и, задев его плечом, убегаю дальше по длинному коридору.

Спасибо, что он не бежит за мной, а остаётся стоять на месте. Вот это новости. Я отказала самому Графову. Сегодня явно на город обрушится снег!

На лекции не могу сосредоточиться на учебном материале. Постоянно отвлекаюсь на собственные мысли. Я отказала Графову? Да, это произошло на яву. Ну и что? Он же не станет мне мстить из-за философии? Тем более я подходила к нему, сделала половину работы за него. А он с такой вот «благодарностью» отнёсся ко мне. Нет, все я сделала по справедливости и нечего себя съедать.

После всех занятий мы забираем одежду из гардероба и выходим на улицу.

– Дашка, смотри Отто Октавиус чего-то снова кипишит, – шепчет Алла на ухо.

Я поворачиваю голову и вижу Семёна в окружении целой оравы парней и девушек. Он громко ругается. Прислушиваюсь к его словам.

– Мать твою! Кто это сделал? Козлы!

– Что у него? – спрашивает Алла.

– Кажется, у суперзлодея сегодня неудачный день. Кто-то проколол шины на колесах, – бормочу, заметив на дороге возле автомобиля домкрат и ящик с инструментами.

– Так ему и надо. Заслужил. Это он и есть самый настоящий козел, – Алла говорит так тихо, что в том что ее кто-то слышит нет сомнений. Однако Семён вдруг резко поворачивается к нам.

Я отвожу глаза вниз на асфальт. Но чувствую, что он до сих пор смотрит на нас.

– Хм, тоже мне пуп земли. Если прокололи колеса, значит, допрыгался футболист. У злой Натальи все люди каналы, – фыркает Алла.

– Хи-хи-хи, – не могу удержаться.

– Не ржи, он всё ещё глазеет на нас. Вдруг сейчас подумает, что мы это сделали.

– Да ты что? Нет. Он может быть и суперзлодей, но точно не дурак. При чем здесь вообще мы? Мы ему безразличны,

я думаю. У него и без нас недруги есть. Теперь сама вижу.

– Все. Больше не смотрит. Фиу, ему походу все колеса прокололи. Явно не случайность.

– Пошли, нас это уж вот совсем не касается.

– Пошли.

Мы выходим за ворота и зачем-то продолжаем промывать косточки Семёну и его друзьям.

Глава 12

Я нервно жую нижнюю губу и боюсь войти в кабинет. Алла как назло задерживается, ещё и философию перенесли на первое занятие. Стою на проходе и не делаю ни шага до самых последних минут.

– Серебрякова, чё стоишь, дай пройти! – Андрей Песков протискивается между мной и стеной и сильно толкнув плечом, задевает мой большой рюкзак.

Тот с грохотом летит на пол. Книги разлетаются по кабинету. Все вдруг обращают на меня внимание. Не привыкла к такому, а особенно теперь после ужасного случая с пакетом вещей, становится и вовсе не по себе. Кстати, одежду Аллы я так и не надела ни разу. Совсем не смотрю на студентов. Изучаю содержимое своего рюкзака. Хорошо, что ничего провокационного не вывалилось.

– Ой, щас помогу, – Песков, почесав курчавый затылок цокает языком и присаживается на корточки.

Я сажусь следом за ним. Мы начинаем собирать книги и остальные канцелярские принадлежности.

– Спасибо, – говорю, тщательно скрывая недовольство. Ведь это он меня толкнул и ещё так грубо, что плечо до сих пор чувствует толчок.

– Кстати, Серебрякова, ты историю сделала? – прищуривает зелёные глаза парень и ехидно улыбается.

– Сделала.

– Дай списать пож.

– Андрей, но у нас же темы разные, – пытаюсь отмахнуться от него.

– Да пофигу. Скажу, что перепутал. Хоть не двойку получать. Держи, – он всучивает мне две книги и встаёт.

Отряхивает шумно руки и смотрит сверху вниз. Я тоже поднимаюсь и смотрю на него. Он неисправим. Никогда не учится сам. Наверное, мне все пять лет придется ему помогать.

– Андрей, а ты не пробовал сам подготовиться? Хотя бы раз.

– Чё? В смысле? Я чё-то не понял.

– Я говорю, ты хотя бы сам открывал учебник? Ходил в библиотеку? Штудировал материалы? М? Подходил на кафедру? Там есть научные работы очень интересные, можно попросить у зав. Кафедры. И попробовать самому изучать лекцию. Ведь узнавать новое это очень интересно, Андрей.

– Неа. Не догоняю. Так ты дашь списать или нет? – насупившись спрашивает.

– Эх, хорошо, – вздыхаю, смахнув непокорные волосы со лба, – Дам я тебе тетрадь. После пары.

– Спс, с меня шоколадка! – говорит легко и, быстро отвернувшись, шагает на «галёрку».

Так и поверила я ему. Никакой шоколадки, разумеется, не будет. Он всегда не задумавшись обещает отблагодарить

меня. Но в результате ничего мне ни разу так и не подарил.

Ну что ж я уже почти зашла. Долой страх. Все будет хорошо, мне нечего бояться. Укрывшись копной пушистых волос, пытаюсь высмотреть Семёна, но не успеваю добраться взглядом до места, где он сидел на прошлом занятии. Может его и вовсе нет?

– Дашка, привет, – Алла хватает за руку, неожиданно появившись в дверях.

– Привет, – поворачиваюсь к ней.

– Чего напуганная какая?

– Все в порядке. Андрей меня чуть с ног не сбил. Видимо, так сильно спешил приобрести новые знания.

– Он-то? Пф! Не смейся мои брекеты.

Мы занимаем наши места. Я достаю тетрадь, ручку и флешку с презентацией. Алла лениво выкладывает учебник из пакета. И зевая садится на лавочку. В ту же секунду заходит Олег Валентинович. Все замолкают.

После переклички и небольшого вступления профессор открывает журнал и начинает спрашивать. Первой вызывает Миронову. Девушка выходит к лекционному столу и читает реферат.

– Я вот не пойму, Дашка, а на кой фиг нам эта философия нужна? Чем она мне в жизни пригодится? – шепотом спрашивает Алла.

– Как минимум для общего развития. Вдруг однажды тебе понравится парень, а он окажется ботаником.

– И чего?

– А ничего. Ты о чем с ним разговаривать будешь? О тиктоке? О новом треке Хабиба? Или о том какой пост выложить в Инсту?

– Допустим так, – постукивает пальцами по столу подруга.

– Допустим, но ему не интересно станет. И он вскоре уйдет. Потому что общение очень важно. Я так думаю. Общие интересы – это важно для пары.

– То есть по-твоему чувств не бывает? А если любовь? Просто химия, без всякого общего интереса. Сильная, настоящая. Я такая, а он совершенно другой. Противоположность мне. А? Хочешь сказать, такого не бывает? – спорит Алла.

– Химия? Даже не знаю. За так называемую «Влюбленность» отвечают сразу несколько гормонов: дофамин, адреналин, серотонин. Но... как говорят эксперты. Пока до конца феномен «Любви» не изучен. И что именно вызывает «Бабочки» в животе не понятно.

– Вот именно, не изучено! А значит, все возможно. Пай мальчик может полюбить бунтарку. А хулиган наоборот тихоню.

– Может быть ты и права... – заключаю.

Тем временем наступает наша очередь отвечать. Преподаватель громко объявляет наши с Семёном фамилии. Я встаю и, взяв флешку, иду к компьютеру.

– Так, а Семён. Семён, ты здесь? – интересуется Олег Валентинович.

– Здесь, – басом отвечает вдруг пареньь.

Я оборачиваюсь, ощутив внезапный жар на лице. Бегаю глазами в поисках его голоса.

– Здесь я, – будто ко мне обращается Семён.

Я тут же нахожу его. Он сидит за самой последней партой в углу. Зрение подводит, я не могу прочесть эмоции в его глазах. А вот ленивую ухмылку вижу отчётливо. Вынужденно отворачиваюсь и подхожу к столу. Открываю тетрадь.

– Графов, ты собираешься выходить? Или тебе официальное приглашение выписать? – спрашивает Олег Валентинович, уверенно расхаживая по кабинету.

– Я не готов, айм сорри, – совершенно просто отвечает пареньь.

– Что значит не готов? – останавливается профессор, – Дарья, вы все делали одна?

– Да. Одна. Все верно, – отвечаю робко, испугавшись строгого взгляда преподавателя.

– И почему же, позвольте узнать?

– А... я... я, – запинаясь.

Слышу глупые смешки с дальних рядов. Что за люди странные? Смеются без повода, как дети.

Мужчина вопросительно смотрит на меня и ждёт вразумительное объяснение.

– Я хотела все сделать вместе. Но, но. Не получилось. Мы не смогли договориться.

– Два взрослых человека и не смогли договориться? Что

же вам помешало?

«Хамство и лень Семёна» – хочу ответить честно, но про-
изношу совершенно другое.

– Мы... Мы просто не сошлись во мнениях. И решили
делать по отдельности. Я отдельно, он отдельно... – бросаю
короткий взгляд на Графова и вижу в ответ колючую улыбку.
Словно ему неприятно, что я говорю о нем.

– Грустно, ну что поделать. Вы весь материал подготовили
одна?

– Да.

Профессор вздыхает и нервным движением поправляет
галстук. Отворачивается и подходит ближе к студентам.

– Семён, в чем дело? Сложно открыть учебник? Я по-
нимаю, вам уже всем совсем не до учебы. Но, раз пришли
учиться, будьте так добры выполнять требования препода-
вателя и программу института. Иначе я воспринимаю неже-
лание выполнять задания как саботаж! Подумайте над этим.
И это кхем, не только касается Семёна, но и всех остальных.

Ученики затихают и посматривают в сторону Семёна. А я
чтобы не быть как все смотрю на Аллу. Она широко улыба-
ется, явно довольная фиаско третьекурсника.

– Я не смог, – громко, совсем не тушуясь перед заслужен-
ным профессором, говорит Семён. – Времени не было как-
то. Куча дел.

– Разумеется, не до пустяков. Итак, Дарья мне все ясно.
Приступайте к презентации. А я подумаю, что с вами делать.

Я открываю тетрадь. Вставляю флешку в компьютер и начинаю свое выступление.

Сперва говорю тихо. Потом более уверенно и твердо. Я привыкла выступать перед целой аудиторией. Но сегодня по неизвестной причине доклад даётся с трудом. Или из-за многообещающего «Подумаю, что делать с вами». Или из-за взора Семёна. Так или иначе, а он смотрит на меня, и я это чувствую. Пару раз запинаюсь в, казалось бы, совсем простых предложениях. А в конце так вообще путаю слайды.

С горем пополам заканчиваю свое выступление. Не очень умело, но Олег Валентинович остается доволен. Хвалит меня и говорит, что информацию подобрала интересную и важную.

Сажусь на место и тогда уже, чувствуя лёгкость в теле, улыбаюсь. Вот и хорошо. Все прошло даже лучше, чем я предполагала.

В конце лекции преподаватель снова даёт нам задания. Я сижу расслабленно. И думаю о предстоящих выходных. Завтра с утра съездим с Маришкой к бабушке, потом предстоит приборка дома, а вечером поеду на работу.

– Всем спасибо за продуктивную работу. И напоследок. И напоследок... Графов, Серебрякова с вас презентация! – говорит Олег Валентинович.

– Чего? – от неожиданности восклицаю я.

– Снова? – в ту же секунду выпаливает Семён.

– Да, снова, – довольно отвечает преподаватель. – Тебе

Семён за то, что не подготовился к занятию. А вам Дарья за то, что не сумели построить коммуникацию со студентом Графовым. В работе будущего педагога очень важно уметь наладить контакт. С любым, повторюсь, с любым человеком. В будущем вам всем предстоит сталкиваться с огромным потоком людей. И навыки общения не менее важны, а иногда и более важны самих знаний в нашей профессии. И если вы Дарья по какой-то причине не смогли это сделать, у вас есть шанс исправиться. Серебрякова за сегодня – пять. Графов – два. Ваша задача – построить коммуникацию, выполнить задание. На следующем занятии жду новую презентацию. Запишите тему: «Религия с точки зрения Ницше. Атеизм и нигилизм».

– Дебилизм, – вздыхает шумно Семён. Да так громко, что все его прекрасно слышат.

В том числе и Олег Валентинович.

– Никакой вежливости! Ещё раз такое услышу и больше не допущу к занятиям. Все свободны. Хороших продуктивных выходных! И запомните, не знания важны, важно умение ими оперировать. И коммуникация!

Все расходятся. Мы с Аллой тоже собираем вещи со стола.

– Повезло так повезло, – шепчет подруга.

– Да уж, – вздыхаю.

Чувствую в районе лопаток жжение. Кто-то явно смотрит на меня. Надеюсь, это не Семён...

Что же теперь делать? Как наладить с ним коммуника-

цию? Ох-ох... Задача явно не из лёгких.

Глава 13

Я бегу седьмой большой круг и чувствую, что к горлу подступает кашель. Терплю. Ещё три круга осталось. Злость раздирает от последних происшествий. Хочется наказать идиота, или вообще наказать весь чёртов мир.

Сегодня все повторилось. Этот урод продолжает портить мою тачку. Но откуда у него инфа про меня? Ах да, Адашевы подсказали, где меня искать.

На игру я приехал на маршрутке, так как снова пару колес оказались пробиты шилом. В том что мне мстит Оборотень, сомнений нет. Я его вышвырнул с гонок. Он добивает меня исподтишка, тварь. Боится встретиться и просто поговорить. Хотя одним лишь разговором наша встреча вряд ли обойдется. Я звонил ему уже несколько раз. Мамонов отрицает, что это его рук дело. Но я, черт возьми, уверен, паршивая гнида, кто портит мой автомобиль – он. Больше я никому в ближайшее время дорогу не переходил. С чужими бабами не спал, в уличных разборках давно не участвовал, долгов не имел.

Сегодня Лук достал его адрес. После игры вечером я намерен ехать к нему. Нужно разобраться с этим уродом раз и навсегда. Втолковать сыночку мента, что со мной связываться опасно для здоровья, а лучше наглядно продемонстрировать, выбив пару передних зубов. Нужно пресечь это, иначе он начнет царапать своим шилом кузов.

Шаг, два, три. Всё-таки кашель сотрясает грудь. Сначала замедляю ход, а потом и вовсе останавливаюсь. Прижимаю кулак ко рту и сильно кашляю.

– Графов, в чем дело? Заболел? – кричит тренер Павел Григорьевич.

– Нет, все норм.

– Тогда в чем проблема? – он подбегает все ближе ко мне.

– Ни в чем. Поперхнулся.

– Ни в чем? Это не поперхнулся. Это дыхалка сдохла. Снова курил?

– Было, – сознаюсь и снова кашляю.

– Семён, ты надежда нашей команды. Ты лидер, и будет очень обидно, если просрешь шанс попасть в премьер лигу. После нее, ты же сам понимаешь, открывается большой горизонт. Выбирай уже – спорт или эта дрянь? Курение и футбол вещи несочетаемые, проверено на личном опыте.

– Я понял, понял. Буду исправляться, – криво улыбаюсь ему.

Мужик он толковый, а самое важное – хороший тренер. Его советы я стараюсь принимать. Но не всегда получается им следовать.

– Понял он. Понималка твоя не работает, пока куришь. Бросай это дело. И давай прокашляйся и догоняй остальных. Штрафной круг тебе!

Павел Григорьевич хлопает три раза в ладоши, подгоняя меня вперед. Он прав. Харе ерундой страдать. Но только

как отказаться от сигарет? Когда ощущаю себя больше мертвым чем живым? Весь этот футбол, надежда команды, показушная жизнь спортсмена – уже не моя реальность. Уже не моя... По кой черт не послал все, сам не знаю? Наверное, ради мамки до сих пор снашиваю ноги и забиваю голы противникам. Умрет – брошу. Не задумаюсь ни на секунду. Потому что без нее мне ничего не надо. Ничего.

После игры не чувствую и доли того удовлетворения, которое получал раньше по юности. Сегодня забил гол, надо признаться, он получился зрелищным. Но я не рад, и в душе всё равно пустыня. Словно сердце высохло и перестало вообще производить эмоции и чувства.

На часах восемь вечера. Надеюсь, застану Оборотня около дома. Лук сообщил, что каждую субботу наш паршивец посещает спортзал, а потом, конечно, едет домой. Тут-то я его и дождусь. И проверю, что он делает в зале – селфи или силовые упражнения?

В поселке Стрельцова тихо и спокойно. Я быстро нахожу новую девятиэтажку с нужным номером. Паркуюсь в карман так, чтобы меня не было видно с дороги. И жду.

Включаю тихо музыку и барабаню пальцами по рулю. Его нет. Чтобы скоротать время открываю новую пачку сигарет и закуриваю. Пошли все на хер! Ангелочком мне уже не стать. Смотрю на дорогу. Машины снуют туда-сюда. Его тачки все нет и нет. Да где же эта гнида? Мент гребанный. Тьфу.

Проходит минут пятнадцать, а его все нет и нет. Я в со-

тый раз бросаю скучающий взгляд за угол и вдруг вижу его. Приехал. Потираю руки и разминаю шею, ликуя в сердцах, что сейчас смогу выпустить пар, а заодно и надрать ему зад.

Выжидаю пару секунд. И когда он вылезает из машины, тут же выхожу сам. Резко не медля подлетаю к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.